

Елена Тринова

КРУЖЕВНЫЕ
СКАЗКИ

Издательство
"Детская литература"

Елена Принова

**КРУЖЕВНЫЕ
СКАЗКИ**

Ленинград
«Детская литература»
1983

Издание второе, переработанное

В школьные годы я жила среди вологодских кружевниц, могла изо дня в день любоваться их удивительным искусством. Что ни кружево, то целая сказка. Невольно становишься сказочницей.

И я стала сказочницей несколько лет спустя — в августе — сентябре 1941 года, на Ленинградском фронте. Тогда я работала военфельдшером в полевом госпитале. Мы стояли в лесу. За брезентовой стенкой госпитальной палаты отчётливо слышались разрывы авиабомб, гул артиллерийских орудий. Осколки зенитных снарядов щёлкали по стволам деревьев. Раненые волновались, прикидывали, как далеко идёт бой. И вот, чтобы отвлечь их от этих мыслей, успокоить, я начала складывать для них сказки, вспоминая северную строгую красоту вологодских кружев.

Семь таких сказок и вошли в сборник «Кружевные сказки».

Автор

Рисунки В. Куприянова

4803010102—157
Т—————
М101(03)—83 Без объязв.

(С) Издательство «Детская литература», 1974 г.

СЕМЬ КАТЕРИН

Рассказывают, что царь Пётр частенько в заморские страны ездил.

Любил своими глазами посмотреть как и что. Прикидывал, где и чему хорошему поучиться.

Однажды приезжает он к Лазоревому морю. Заморский король его встречает, во дворец ведёт, показывает ему всякие диковинки.

— Жаль мне тебя, царь Пётр, — говорит. — Живёшь ты среди тёмных людей. Ничего-то они не знают, ничего не умеют. Взгляни вот, какие мастерицы в моём королевстве имеются!

И показывает кружевную скатерть.

Царь Пётр посмотрел на скатерть и за-
смеялся:

— Где же ты в своей стране видел берёзки
да ромашки? Это русское кружево, из моей
страны.

— Быть того не может! — вскричал король
и стал скатерть в увеличительное стекло рас-
сматривать.

Но смотри не смотри — берёза берёзой и ос-
танется.

Рассердился король, приказал позвать к
себе купцов. Те бросились королю в ноги и при-
знались:

— Виноваты, ваше королевское величество!
Ох, виноваты! Не вели казнить, вели миловать!
Не наших это мастериц дело. У русских кружев-
ниц куплено — у семи Катерин. Лучше их никто
кружева плести не умеет, богаче узора нигде не
найдёшь...

— Что ещё за семь Катерин? Опять меня
обмануть хотите! — разгневался заморский ко-
роль.

Тут уж царю Петру пришлось за купцов
заступиться.

— Есть, — говорит, — в моём царстве та-
кие кружевницы. Слышать я о них слышал, хоть
видеть никогда не видел.

А заморский король разошёлся — и царю
Петру веры нет.

— Не поверю, — кричит, — пока своими
глазами не увижу! Покажите мне этих Катерин!
Едем к ним сию же минуту!

Ну, царям сборы не долги. Приказали лошадей запрячь да и поехали. Впереди — стража, позади — стража: на тот случай, если разбойники нападут.

Начали путь в коляске, а потом и в сани пересели, в собольи шубы оделись.

Едут, едут. Смотрят — навстречу возок ползёт. В нём — купец с узлом на коленях.

Спрашивает его королевский стражник:

— Добрый человек, не укажешь ли нам путь к семи Катеринам — кружевницам?

Купец рассказал, как проехать, да и говорит:

— Я от них возвращаюсь. Занавески купил. Может, взглянете?

Развернул купец занавески. Все так и ахнули!

На каждой из них целая сказка выплетена. На одной — про Морозку, на другой — про Сивку-Бурку, а на третьей — про Василису Премудрую.

Заморский король как увидел занавески, так и закричал:

— Мои! Покупаю!

И бросил купцу кошелёк с золотом.

А царь Пётр молчит, будто его это вовсе не касается.

Двинулись дальше. Навстречу другой возок. В нём тоже купец сидит. И тоже узел держит.

Спрашивает королевский стражник:

— Добрый человек, не скажешь ли нам, где семья Катерин живут?

Купец отвечает:

— Знаю, как не знать! Вон за тем леском...
Я вот покрывало у них купил. Не взглянете ли?

Развернул купец покрывало — чудо да и только! На одной стороне — весна лето догоняет, на другой — зима с осенью в обнимку идут.

Заморский король даже из саней выпрыгнул.

— Покупаю! Покупаю! — кричит. — Казначей! Дай ему целую шапку золота...

А сам покрывало в охапку — и в сани. Боится, чтобы купец, чего доброго, не передумал или царь Пётр покупку не перехватил.

Ещё немного проехали — и до села добрались. Подкатили к дому, где кружевницы живут.

Вышли на крыльце семь Катерин. Все статные, русые, ясноглазые. Поклонились они гостям в пояс, в дом к себе пригласили. А сами за работу сели. У каждой на подушечке свой узор заплетён: у одной будто волны под руками струятся, у другой — над небывалыми цветами невиданные птицы порхают, у третьей по всему кружеву звёзды рассыпаны...

Дух захватило у заморского короля. Он щипать себя стал: уж не снится ли ему всё это?

— А почему вас всех Катеринами звать? — спросил царь Пётр.

— Наши матери — сёстры. Они так любят друг друга, что нас, своих дочерей, назвали всех одинаково, чтобы родную дочь от других не от-

личать. Имя у нас одно, но зовёмся мы все по-разному.

— Как же это? — удивился царь Пётр.

— Меня зовут Катерина, — сказала старшая. — Моих сверстниц — Катёна и Катеринушка.

— Меня зовут Катя, — ответила сестра помладше. — Мою одногодку — Катеньку.

— Меня Катюшой кличут, — отозвалась младшая. — Я ровесница с Катюшенькой.

Тут заморский король в себя пришёл. Спрашивает:

— А кто вам узоры даёт? Кто их придумывает? Продайте мне все узоры — в убытке не будете!

Отвечают кружевницы:

— Нет у нас никаких узоров. Сказки нам помогают.

— Покупаю! — кричит заморский король. — Покупаю! Где они, эти сказки? Сколько их у вас?

Засмеялись кружевницы. А Катерина и говорит:

— Сказки у нас не продажные. Мы их сами складываем, по очереди. Что ни кружево — то и новая сказка...

Царь Пётр попросил:

— Расскажите их нам. Люблю сказки слушать!

Сёстры не заставили себя долго уговаривать.

Первыми рассказали сказки Катя и Катенька.

За ними Катюша и Катюшенька.

За Катюшенькой — Катёна.

За Катёной — Катерина.

А за нею — Катеринушка.

И каждая выбрала свою сказку, самую любимую.

Вот они, эти сказки. Послушайте.

ВОЛШЕБНОЕ КРУЖЕВО

Из семи сестёр Катя всегда первая узоры придумывала. Первой она и сказку начала. Про волшебное кружево.

Жила в одной деревне кружевница Васёна. Первая в округе красавица и песенница. Женихов у неё было столько, что дверь не успевала закрываться. Но она всем отказывала.

— Мне шестнадцать только-только сравнялось, — говорит, — куда торопиться!

Женихи её и так и эдак уговаривают, богатым домом да золотом сманивают. А Васёна будто их не видит и не слышит. Сидит себе, кружева плетёт и поёт-поёт целый день.

Однажды шёл через эту деревню молодой плотник. Павлом его звали. В мешке за спиной всё своё богатство нёс — топор, молоток и долото.

Услышал он, как поёт Васёна, да и зашагал прямёхонько к её дому. Стал под окном, смотрит на неё во все глаза и молчит.

А у Васёны руки, как птицы, летают. Коклюшки словно живые прыгают вверх-вниз, вверх-вниз. Ждала-ждала она, пока Павел заговорит. Не вытерпела — спросила:

— Ты что молчишь? Может, скажешь что-нибудь?

— Скажу, — отвечает Павел. — Выходи за меня замуж. Вон у меня сколько добра для дома припасено. — И вытряхнул из мешка топор, молоток и долото.

Улыбнулась Васёна и говорит:

— Надо подумать. Приходи завтра.

Ну, а на другой день, всем на удивление, и свадьбу сыграли.

Говорит Павел молодой жене:

— Пусть у нас родится сын, весь в тебя: черноволосый да синеглазый. Назовём его Василием.

А жена пожелала:

— Пусть лучше будет дочь, лицом в тебя: с карими глазами и русыми кудрями. Назовём её Павлой.

Только зря они спорили. Родились у них близнецы — мальчик и девочка. Сын — весь в мать, дочь — вся в отца. Дали им имена — Василий и Павла, а ласково называли Васёк и Павлинка. Жили Павел и Васёна со своими детьми дружно и счастливо. Пятнадцать лет прошло, как один день.

Сын и дочь от родителей в работе не отставали, а в мастерстве и вперёд ушли.

Васёк стал придумывать да мастерить такие игрушки-забавки, что все диву давались. Деревянные бараны у него прыгали и бодались, куры кудахтали, дикие звери рычали. А Павлинка научилась кружева плести — одно другого затейливее. Немудрено, что приезжие купцы раскупали всё нарасхват.

Васёна с Павлом гордились и радовались. Только не знали, что за плечами у них смерть стоит. Поехали как-то они в лес и не вернулись: деревом их зашибло.

Остались Васёк и Павлинка сиротами. Сидят у дома, плачут. А над ними скворушки вьются, собрались в жаркие страны, захотели с братом и сестрой попрощаться. Ведь все их домики — скворечники — Васёк своими руками смастерили.

Вытерли слёзы Васёк и Павлинка, пожелали птицам:

— Доброго пути вам, скворушки! Возвращайтесь скорее!

* * *

Наступила весна. Вернулись скворцы обратно. Принесли подарок — яблоневую веточку. Бросили её сиротам в окошко.

Васёк и Павлинка обрадовались. Посадили веточку возле крыльца.

Стала веточка расти не по дням, а по часам. К осени выросла кудрявая яблонька, а на ней одно-единственное яблоко — крупное, румяное.

Деревенские ребятишки не раз пытались его сорвать. Они и трясли яблоню, и сбивали яблоко палками.

Да не тут-то было!

А Васёк подошёл — оно прыг к нему в руки и разломилось на две половинки, чтобы ему с сестрой досталось поровну.

Съели они яблоко и слышат: кто-то над головой громко-громко разговаривает. Взглянули, а это скворчиха своим детям рассказывает:

— ...Полетим мы через Горную страну. Там на веки вечные заточена в башне царевна Арина. Брат её — царь Димитрий — о ней не печалится. Он давно ум потерял. И теперь то в лошадки играет, то плачет-заливается. Вот что с ними сделала царица Зугза...

Смотрят брат и сестра друг на друга, понять ничего не могут.

— Ты слышала что-нибудь, или мне показалось?

— Ещё как слышала! — отвечает Павлинка.

А скворчиха продолжает рассказывать:

— Арина, Арина... Недолго она проживёт на свете. Уморит её голодом злая Зугза...

Говорит сестре Васёк:

— Отпусти меня в Горную страну! Я хочу Арину и Димитрия из беды выручить!

Павлинка отвечает:

— Разве я посмею тебя от доброго дела отговаривать? Иди, братец, иди! Только и меня позови если что. Может, и я пригожусь. Говорят, один ум — хорошо, а два — лучше.

Полетели птички стаи в жаркие страны.
За ними отправился и Васёк.

Скворец со скворчихой и скворчатами тоже в путь собрались.

Подлетела скворчиха к Павлинке, бросила ей в руки золотой клубочек величиной с напёрсток и сказала:

— Это за твоё доброе сердце! Сплети себе платье. Если же беда случится, только скажи:

Платье золотое,
Солнцем дарёное,
Мною сплетённое,
Скрутись, обернись
Острым железом,
Жарким огнём!

Взяла Павлинка золотой клубочек и думает: «Какое уж платье, хоть бы на воротничок хватило!» Стала нитки на коклюшки наматывать. Сколько ни наматывает — клубочек ничуть не убавляется. А в избе от него стало светло и тепло, будто засветило летнее солнышко.

* * *

А Васёк всё шёл, шёл и пришёл к непроходимому болоту. Куда ни ступит — всюду зыбкие кочки да вода.

— Палку нужно найти, — сказал он сам себе, — а не то из такого болота и не выберешься!

Оглянулся и видит — в двух шагах дерево затонуло. Только верхушка виднеется. Ветки на ней сухие, чёрные.

Выбрал Васёк ветку побольше, сломил её.
Чёрный сок так и брызнул во все стороны!

Вдруг дерево зашевелилось, поднялось из воды и заговорило человеческим голосом:

— Спасибо тебе, прохожий человек, ты спас нам жизнь! Ведь перед тобой не дерево, а сорок заколдованных охотников. Всего год тому назад мы с царём Димитрием приехали на это проклятое болото охотиться. Не успели шагу сделать — зелёная змея обвила ногу Димитрия. Мы бы убили её, но царь отбросил змею и сказал: «Пусть живёт!»

И тут змея обернулась красавицей с зелёной короной на голове.

«Давно я жду, Димитрий, чтобы кто-нибудь меня пожалел!» — засмеялась она, сняла свою корону и надела её на царя. Стал царь Димитрий разумом, как малый ребёнок. «Ну, теперь я, Зугза, буду царицей Горного царства!» — сказала злая красавица, махнула рукой, и тут появилось множество змей.

Все они превратились в стражников и окружили свою королеву.

Брызнула Зугза на нас болотной водой и прошипела: «А вы останетесь здесь. Будете гнить в болоте, как упавшее дерево...»

Васёк погладил сухую кору и сказал:

— Ну, потерпите ещё немного. Я убью Зугзу — и вы вернётесь домой. Только вот как мне найти Горную страну?

Дерево зашелестело листьями и ответило:

— Доверься ветке. Она найдёт дорогу.

Почувствовал Васёк, что ветка тянет его впред. Попрощался с заколдованным деревом и отправился дальше.

* * *

Привела ветка его в Горную страну, к каменной башне, где у окна сидела царевна Арина и горько плакала. Стал Васёк прикидывать, как бы ему в башню проникнуть, с царевной повидаться.

А ветка потянулась вверх, доросла до оконной решётки и зацепилась за неё. Мигом Васёк оказался у окна башни.

— Здравствуй, царевна Арина, — говорит. — Не плачь! Я пришёл спасти тебя...

Царевна вытерла слёзы и спрашивает:

— Как зовут тебя, смелый человек?

— Васёк, — отвечает тот.

— Ох Васёк, Васёк, — сказала царевна, — много храбрецов пытались спасти меня, но жизни лишились.

Тут она увидела стражников. Закричала:

— Беги! Спасайся!

Но было уж поздно. Стражники стащили Васька на землю, связали по рукам, по ногам и поволокли на расправу к змеиной королеве.

Она сидела на троне. У ног её играл в лошадки царь Димитрий и всё время плакал.

Сдвинула брови Зугэа и сказала:

— Смотрю я на тебя, Василий, и думаю: сейчас отрубить тебе голову или до утра оставить?

Васёк смело ответил:

— Оставь до завтра, царица! За это время я сделаю весёлые игрушки для царя Димитрия. Только вели мне руки развязать да принести топор и долото.

Поглядела Зугза на плачущего Димитрия и согласилась:

— Ладно. До утра времени немного. Живи, пожалуй. Утром посмотрю, чего твоя голова стоит. Развяжите его! Принесите то, что просит!

Слуги сняли верёвки, отвели Васька к башне, приковали железной цепью. Потом швырнули ему топор и долото. Сами расположились рядом, глаз с узника не спускают.

Взял Васёк топор. Один-два раза им стукнул, долотом подправил. Выпорхнула из его рук деревянная птичка и тут же влетела в окно царевны. Стала ей вместо подружки.

Васёк опять топором постучал, долотом постругал — вторая птица на свет появилась. Большая да сильная. Полетала-полетала над стражниками и запела песню — протяжную, убаюкивающую. Стражники сразу же повалились на землю и крепко уснули.

Говорит Васёк птице:

— Лети к моей сестре, скажи, что я в беду попал.

Взвилась птица в небо и скрылась из глаз.

А топор опять постукивает, долото постругивает. Уже не две, а целая стая птиц сидит на крыше каменной башни. У ног Васька бодаются

деревянные козы и бараны, лают собаки, мяукают кошки...

Утром Зугза и царь Димитрий явились посмотреть на его работу. Как увидел игрушки царь, засмеялся от радости.

— Ещё, ещё надо! Делай ещё! — кричит.

А Зугза говорит:

— Ты, видать, мастер. Ну, что ж! Живи ещё неделю: весели царя, а то надоели мне его слёзы...

* * *

Деревянная птица прилетела к дому Павлинки и постучала клювом в окно. А та как раз только-только закончила плести золотое платье и собиралась спать укладываться. Увидела Павлинка птицу, встревожилась.

— Что случилось? Где мой братец?

А птица отвечает:

— Твой братец в беде. Полетим его выручать.

Павлинка завязала в узел золотое платье, села на деревянную птицу и полетела в Горную страну.

Тем временем Васёк мастерил всё новые и новые игрушки. Во дворе появились деревянные всадники. Они гонялись за деревянной дичью, как на настоящей охоте. Царь Димитрий не мог нарадоваться, а Зугза всё больше и больше мрачнела. Вечером говорит Ваську:

— Ты, я вижу, умён да хитёр. Сегодня занятные игрушки придумываешь, завтра

придумаешь, как меня царства лишить. Знай, утром тебе отрубят голову.

Васёк не успел ничего ответить. Во двор влетела деревянная птица. Павлинка спрыгнула на землю и кинулась обнимать брата.

Зугза напустилась на неё:

— Как ты посмела сюда явиться? Иль смерти ищешь?

Но Павлинка не испугалась. Она развязала узел и сказала:

— Отпусти брата, Зугза! Я подарю тебе такое платье, какого нет ни у одной царицы на свете.

Развернула Павлинка платье — и все застыли от удивления: спереди золотое солнце сверкает, сзади — луна светится, а кругом хороводом звёзды вьются.

— Согласна, царица? Отдашь брата — бери золотое платье. Не отдашь — я потяну за нитку, и от него ничего не останется.

— Согласна! Согласна! — закричала Зугза и выхватила платье из рук Павлинки. Потом расхохоталась ей прямо в лицо:

— Ах ты глупая девчонка! Я тебя научу, как со мной, царицей, разговаривать! Завтра тебе вместе с братом отрубят голову. Не зря же ты к нему так спешила! Эй, стражи!

Обнял Васёк сестру и тихо-тихо, чтобы никто не услышал, говорит:

— Не бойся, Павлинка, деревянные птицы не дадут нас в обиду. Увидишь, что завтра будет!

Павлинка улыбнулась и ответила:
— А я и не боюсь. У меня тоже кое-что для
Зугзы припасено...

* * *

Утром змеиная королева надела золотое платье и отправилась на казнь смотреть. За ней Димитрий поплёлся.

На дворе, напротив башни, где томилась в заточении царевна Арина, был приготовлен для казни чёрный помост. Стражники притащили брата с сестрой, поставили их на помост и ждут, что Зугза прикажет. Стоят Васёк с Павлинкой, смотрят на змеиную королеву. В глазах у них страха и в помине нет.

Почернела от злобы царица, закричала:
— Палач, начинай!

Но палач ещё шагу не успел сделать, как Павлинка прошептала:

Платье золотое,
Солнцем дарёное,
Мною сплетённое,
Скрутись, обернись
Острым железом,
Жарким огнём!

В тот же миг золотое платье превратилось в клетку из железных прутьев, а вокруг неё жаркий огонь запылал. Обернулась Зугза змейей, хочет проскочить сквозь прутья. Да не тут-то было!

И тотчас же все стражники тоже в змей пре-вратились. Деревянные кони только того и жда-

ли: стали топтать их копытами. А деревянные птицы змей в огонь побросали, где они и сгорели вместе с Зугзой. Никто не ускользнул.

Тут распахнулись двери каменной башни. Выбежала оттуда царевна Арина. Впереди летела деревянная птичка. Смахнула птичка крылом с головы царя зелёную корону. Та покатилась в огонь и тоже сгорела. Очнулся царь Димитрий. Смотрит вокруг и понять ничего не может. Арина, плача от радости, всё ему рассказала. Потом подозвала Васька и Павлинку.

— Вот наши спасители, — говорит.

Царь Димитрий поклонился им до самой земли и сказал:

— Спасибо вам, добрые люди, спасибо! А теперь разделите с нами наше счастье и царство. Если вы согласны, то за одним столом сразу две свадьбы сыграем. Тебе, Васёк, отдаю в жёны мою сестру и полцарства в придачу, а ты за меня отдавай свою. Я с радостью возьму Павлинку в жёны.

Васёк и Павлинка согласились.

И начался тогда пир на весь мир. Слава о нём и до нас дошла.

КЛЯТВУ ДРУЖБЫ ЗАБЫТЬ — ГОЛОВЫ НЕ СНОСИТЬ

Вторую сказку рассказала Катенька. Она любила грустные сказки, но такие, чтобы заставили задуматься.

Давным-давно, когда на земле круглый год стояло жаркое лето, жили-были в одной стране четыре брата-близнеца: Север, Юг, Запад и Восток.

Все они появились на свет в один день. Только старший из братьев — Восток — родился на утренней зорьке, Юг — в жаркий полдень, Запад — при закате солнца, а самый младший — Север — тёмной ночью.

Росли братья не по дням, а по часам.

Через неделю они бегали быстрее резвых козлят, а через год трудились в поле с отцом вместе.

Прошло несколько лет. Крепкими, сильными стали Север, Юг, Запад и Восток. Не было на всей земле искуснее их пахарей, рыбаков и охотников.

Жить бы такой семье да радоваться! Но не тут-то было! Без спроса пришло к ним горе. Сперва умерла мать, а вскоре почуял близкую смерть и отец.

Позвал он сыновей и говорит:

— Дети мои дорогие! Остаётесь вы на свете без отца, без матери. Живите дружно. Делите горе и радость. А главное, что бы ни случилось, не покидайте друг друга! Тогда и счастье не покинет ваш дом.

Остались братья одни.

Дали они клятву всегда помнить отцовский завет и зажили дружно. Делили горе и радость, во всём помогали друг другу и были неразлучны.

Пойдёт Запад землю пахать — глядь, и братья коней в поле выводят, займётся Север рыбной ловлей — остальные вместе с ним сети забрасывают, соберётся Восток на охоту — братья тоже берут лук и стрелы. Да разве вырастил бы Юг в саду столько цветов и деревьев, если бы братья ему не помогали?

Не было в ту пору человека, который не знал бы неразлучных братьев и не ставил бы их в пример своим детям.

Да что люди! Птицы, бывало, прилетали целыми стаями, чтобы, глядя на них, поучить птенцов уму-разуму.

Прожили Север, Юг, Запад и Восток в мирном согласии уже много лет. Прожили бы так, верно, и всю жизнь. Да не пришлось...

* * *

Как-то жаворонок решил сложить песню о неразлучных братьях. Поднялся он высоко в небо и стал о них петь.

В это время Солнце как раз укладывалось на облака, чтобы часок-другой отдохнуть. Да заодно и жаворонка послушать. Ведь тот в своих песнях рассказывал всё, что видел и слышал. А Солнцу интересно узнать, как люди на земле живут.

Прислушалось Солнце к новой песне жаворонка и удивилось. Неужели и в самом деле есть на свете такая дружба?

Не хотелось Солнцу подниматься с мягкой постели, но любопытство одолело. Выглянуло оно из-за облаков и стало жаворонка расспрашивать.

Пришлось тому рассказать всё, что он знал о неразлучных братьях.

Ещё больше удивилось Солнце и про отдых забыло.

— А ну-ка, — говорит, — покажи мне этих братьев. Хочу взглянуть на них своими глазами.

Полетел жаворонок к дому братьев, чтобы показать их Солнцу, а они в это время в саду трудились, как всегда, вместе.

Залюбовалось ими Солнце: сильные, красивые, весёлые! Работают ладно, умело.

Вздохнуло Солнце, пожалело, что у него нет таких же славных сыновей. И так оно от этих мыслей закручинилось, что захотелось ему поговорить о них с кем-нибудь.

Но с кем ему, Солнцу, разговаривать, когда оно одно-одинёшенько? Ведь в те времена звёзды на небе щё не родились, а Луна была моло-денькой девицей, любопытной и упрямой. Она часто сердила Солнце, потому что ей всегда хотелось настоять на своём.

Бывало, засмотрится на сельские хороводы и ну просить-молить его:

— Взойди сегодня чуть-чуть позднее! Хочу щё посмотреть, как люди веселятся...

Солнце ответит:

— Не проси. Не могу!

И оно всходило, как всегда, вовремя. А при ярком свете Луна уже не могла ничего увидеть. В большой досаде плыла она за моря и горы на весь день. А возвращаясь обратно, только и думала, как бы отплатить Солнцу за обиду.

На этот раз Солнце ждало Луну с большим нетерпением.

Едва она появилась — поспешило навстречу и рассказало ей о братьях-близнецах и верной их дружбе.

Чтоб досадить Солнцу, Луна принялась спорить:

— Неразлучной дружбы на земле не бывает...

— Но я видело всё это собственными глазами, — стояло на своём Солнце.

А Луна говорит:

— Чтобы ты больше со мной не спорило, хочешь, я за четыре дня разлучу твоих неразлучных братьев? Разлучу навсегда. Хочешь?

Ничего не ответило Солнце, покачало головой и отправилось спать.

* * *

А Луна после разговора с Солнцем поднялась повыше и залила землю таким ярким светом, что от него мигом проснулись соловьи и запели. Луна спросила у них:

— Слыхал ли кто из вас о четырёх братьях-близнецах? И правда ли, что они неразлучны?

— Правда, — отвечали соловьи. — Целыми вечерами бывают они вместе и говорят не наговорятся друг с другом...

Нахмурилась Луна и сказала:

— Я хочу, чтобы вы поселились в саду у неразлучных братьев. Своим пением вы должны нагнать на них такую грусть-тоску, чтобы они места себе не находили...

И соловьи улетели.

На рассвете они вернулись.

— Мы так старались, — говорят, — а они послушали нас, похвалили: «Хорошо нынче поют соловушки, да завтра вставать рано. Пойдёмте-ка, братья, спать». И ушли.

На другое утро соловьи сказали:

— Когда мы пели, братья часто замолкали и не сразу отвечали друг другу...

На третье утро соловьи весело защебетали:

— Сегодня братья не проронили ни слова и только тяжко вздыхали...

Довольная Луна засмеялась от радости и решила: «Теперь, я вижу, настал мой черёд...»

* * *

На следующий вечер Луна надела своё самое лучшее серебряное платье, накинула на голову кружевную фату, обернулась красавицей и отправилась к неразлучным братьям.

Те молча сидели на крыльце и вздыхали.

Очнулись братья от яркого света. Подняли головы: диво дивное! Прямо перед ними стоит красавица в свадебном наряде!

— Здравствуйте, неразлучные братья! — заговорила девица. — Я — Луна, пришла на вас посмотреть. Говорят, такой, как у вас, дружбы нет на целом свете.

Тут Север, Юг, Запад и Восток вскочили на ноги, стали хлопотать, чем бы угостить свою гостью. А Луна тем временем успела каждому из них шепнуть на ухо:

— Я пришла сюда ради тебя одного, мой избранник. Нас ждёт в моём тереме свадебный пир...

Правду народ говорит, что чистое сердце доверчиво и открыто. Его обмануть легко. Как

услышали братья ласковые слова Луны — сразу голову потеряли, забыли свою клятву не расставаться друг с другом, всегда делить горе и радость. Не взглянув друг на друга, разошлись они, как чужие, на четыре разные стороны, куда Луна указала.

Идут братья, спешат. И каждому из них кажется, что только для него она светит, только ему говорит ласковые слова:

— Спеши, мой суженый! До утра надо сыграть нашу свадьбу. Иначе взойдёт Солнце и разлучит нас навеки...

И вот уже Север, Юг, Запад и Восток не идут, а бегут что есть мочи.

Долго бежали они за Луной. Много лесов и полей осталось позади, много гор перешли, рек переплыли. Но спроси их — ничего не помнят. Видят братья только свою красавицу. Сышат только её ласковый голос:

— Быстрее, любимый, быстрее! Скоро рассвет. Мы опоздаем. Быстрее, быстрее!

Первым упал замертво Юг, за ним Север и Запад. Наконец не вынес и старший — могучий Восток. Схватившись за сердце, он тоже рухнул на землю.

В этот миг из-за леса выплыло Солнце. Оно ещё не совсем проснулось и сладко зевало.

Радуясь, что добилась своего, Луна залилась весёлым смехом и сказала Солнцу:

— Ну, Солнце, полюбуйся на своих неразлучных братьев! Вот они — все четверо лежат в разных концах света и никогда больше не

встанут. Я говорила тебе: нет на земле неразлучной дружбы!..

И тут Восток понял, как ни за что ни про что Луна их всех погубила. Застонал он от горя и умер.

* * *

Разгневалось Солнце страшным невиданным гневом. Принялось жечь-палить Луну огнём-полямем. Полетели от неё брызги, рассыпались по небу серебряными звёздочками. А Солнце жгло и жгло Луну да приговаривало:

— Сожгу-растоплю! Не будешь чужое счастье губить, над чужим горем насмехаться!

Еле-еле Луна выплакала-вымолила себе пощаду.

Схоронили братьев не вместе, а каждого там, где нашли его мёртвым. Так эти страны света и зовутся поныне — Север, Юг, Запад и Восток.

Долго горевали люди о гибели братьев, сложили пословицу: «Клятву дружбы забыть — головы не сносить».

И хоть Луна с тех времён стала мудрой и доброй — не верят люди тому, что свершается при её обманчивом свете. А всё, что сказано при Луне, проверяют при Красном Солнышке.

ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Третьей рассказала сказку Катюша. У неё в сказках печаль всегда была гостьюей, а радость — доброю хозяюшкой.

В давние времена, сказывают, жил царь Лиходей. Люди его, как чумы, боялись, детей им пугали. Каждый день в его царстве шли казни, каждый день безо всякой вины кому-нибудь рубили голову.

В страхе жили и соседние царства. Они во всём ему уступали, ни в чём не смели перечить. Лиходей же воевал беспрестанно — то с тем соседом, то с другим.

А когда вернётся с войны, любил пирить, слушать, как его воеводы похваляются, сколько они городов разорили, сколько

людей зарубили, — и всё во славу его, царя Лиходея!

Всё шло своим чередом, пока царь Лиходей не пригласил на такой пир своего единственного сына Ивана.

Стали и при нём убийствами да грабежами похваляться, Лиходея прославлять.

Гости пьют, а Иван-царевич к своему кубку даже не притрагивается.

Лиходей нахмурил брови и спрашивает:

— А ты, сын, разве не рад тому, что мы ещё одно царство сокрушили, видимо-невидимо сокровищ оттуда привезли?

— Нет, отец, не рад! Места на земле всем хватит. Зачем людям кровь да смерть, горе да слёзы?

Вскочил царь Лиходей, стукнул в гневе об пол золотым посохом. На языке царей это означало: «Пошли, дураки, вон!»

Воеводы бросились бежать прочь, от беды подальше.

Говорит Лиходей сыну:

— Не будь ты моим единственным наследником — тебе бы, как твоей матери, за непокорность отрубили голову. Но я поступлю иначе: женю тебя. Недаром говорят: «Женится — переменится». Я уже разослал всюду гонцов. Пусть съедутся к нам все царские и королевские дочери. По своей доброте я даже позволю тебе самому выбрать невесту.

— У меня есть невеста, отец, — твёрдо сказал Иван.

— Есть невеста? Это ещё что за новости? —
грозно спросил царь Лиходей. — Как ты посмел
молвить такое!

Потом сказал:

— Покажи мне её. Может, она и мне при-
дётся по душе. А нет — так не взыщи, свадьбе
не бывать.

Царевич вышел и вскоре вернулся обратно.
Вёл он за руку красавицу с золотыми косами.
Только платье на ней было не княжеское, а про-
стое, холщовое.

Говорит Иван-царевич:

— Вот она, Марьушка, наша садовница.

— Как! — закричал Лиходей. — Чтобы
простая крестьянка стала твоей женой и цари-
цей! Не бывать этому! Лучше я отдашь тебя вол-
шебнику Злодису.

— Хи-хи-хи! — раздался чей-то смех.

Глядь, а на пороге стоит маленький дряхлый
старичок. Потирает руки и говорит царю:

— Спасибо, Лиходей, за подарок. Век тако-
го подарка не получал!

Вынул Злодис из рукава кусочек белого
камня и кинул его в царевича.

— Отец, пощади Марью!.. — только и
успел сказать Иван и тут же окаменел.

Бросился Лиходей с мечом на волшебника,
но тот уже обернулся чёрным вороном. Сел на
окно и говорит:

— За что ты, Лиходей, на меня гневаешься?
Ведь ты сам мне царевича отдал. А я что хочу,
то с ним и сделаю.

Выронил Лиходей из рук меч и упал перед Злодисом на колени. Стал просить-молить его:

— Забудь слово, сказанное во гневе! Возьми у меня всё золото, но верни сына...

— Нет, царь, — ответил Злодис, — за золото ты жизнь сыну не купишь. Вот если найдётся человек с верным, любящим сердцем да, не жалея себя, выпьет три чаши горя, переплынет кипучее море, победит мою неусыпную стражу и придет ко мне во дворец — тогда твой сын снова оживёт.

Сказал так и улетел.

Лиходей закричал на Марью:

— Прочь из моего царства, погубительница! Чтобы глаза мои тебя больше не видели! Это все ты виновата!

Поклонилась Марья царю в ноги, поцеловала окаменевшего царевича и побрела из дворца куда глаза глядят.

Идёт она, идёт — полями, лесами, болотами. Дням и неделям счёт потеряла.

И вот пришла в один город. В нём жили только женщины. И все, как одна, горбатые.

Заговорила с ними Марья, спросила:

— Не укажете ли, как пройти в царство Злодиса?

Окружили её горбуньи и говорят:

— Не ходи туда, красавица, не губи себя по-напрасну! Ещё недавно в нашем городе жили лучшие на свете пекари. Но Злодис увёл в своё царство всех мужчин от мала до велика. А нас видишь какими сделал?

Огорчилась Марья, слушая их речи, и спрашивает:

— А можно ли помочь вам в вашей беде?

— Можно, — ответили женщины, — да кто на это решится? Нас может спасти только тот, кто подарит нам свою красоту.

Марья подумала: «И некрасивая я помогу Ивану. А здесь столько людей страдает!»

Говорит она:

— Если за этим дело стало — я готова отдать вам свою красоту.

И тотчас все женщины распрымились, а на спине у Марьи вырос горб.

— Спасибо тебе, девица, век тебя не забудем! — благодарили её женщины. — Прими от нас подарок — вот этот каравай ржаного хлебушка. Сколько бы ты его ни ела — он таким и останется. Когда же придёшь в царство Злодиса, увидишь стражу в золотых шлемах — отдать ей этот хлебец и скажи: «Узнаёте, пекари, свою работу? Хлебец посылают вам жёны и матери. Они день и ночь плачут — вас домой ждут».

Попрощалась Марья с женщинами и отправилась дальше.

Шла она, шла. Лесами, горами, болотами. Наконец пришла в другой город. В нём жили одни старухи.

Окружили они Марью, спрашивают, как она к ним попала.

— Я ищу царство Злодиса, — ответила Марья. — Не укажете ли мне туда дорогу?

Женщины в испуге закричали:

— Не ходи к Злодису, девица! Это он превратил нас в старух. Посмотри на детей. Они ещё ходить не умеют, а волосы у них поседели и все лица в морщинах. Наших мужчин — лучших на свете сапожников — Злодис в своё царство увёл, в свою стражу превратил. Ни старого, ни малого не забыл.

— А можно ли помочь вам? — спросила Марья.

— Можно-то можно, — прошамкали старухи. — Да кто на это пойдёт? Нас может спасти тот, кто подарит нам свою молодость!

И опять подумала Марья: «И старая я спасу Ивана. А здесь столько людей страдает».

— Если так, — сказала она, — я готова отдать вам свою молодость.

И сразу же старухи превратились в молодых женщин. Они плакали и смеялись от радости, целовали детей. Зато длинные косы Марьи стали седыми, лицо и руки покрылись глубокими морщинами.

Женщины обнимали её, благодарили:

— Спасибо тебе, добрая душа, век тебя помнить будем! Прими и от нас подарок. Эти железные сапоги смастерили наши мужья. В них твои ноги никогда не устанут. Они приведут тебя в царство Злодиса. Там ты увидишь стражу в серебряных шлемах. Отдай ей сапоги и скажи: «Узнаёте свою работу, сапожники? Эти сапоги прислали вам жёны и матери. Они день и ночь плачут — вас домой ждут».

Надела Марья железные сапоги и отправилась в путь-дорогу.

Долго, нет ли она шла, только видит на пути ещё один город. И в нём опять только женщины да дети. Все на земле лежат. Стоном стонут, плачем плачут.

Спрашивает Марья:

— Как мне найти путь в царство Злодиса? Но что здесь случилось, отчего вы так горько плачете?

— Ах, бабушка, — простонали женщины. — Взгляни, какие страшные болезни наслал на нас Злодис. Погибели на него нет! А наших мужей, самых лучших на свете корабельщиков, в своё царство увёл, в свою стражу превратил.

— Как же вас избавить от такой напасти? — спросила Марья.

Заплачали женщины и сказали:

— Это может сделать только тот, кто подаст нам своё здоровье. А где найти такого человека? Ох, горе нам, горе!

Подумала Марья: «И больная я всё сделаю для Ивана, а здесь столько людей страдает».

— Я готова отдать вам своё здоровье, — сказала она.

Не успела Марья вымолвить эти слова, как все женщины и дети стали здоровыми. Зато она застонала от боли.

Обняли её женщины и говорят:

— Спасибо тебе, родная, за твоё добре сердце! Прими же и от нас подарок — вот этот кораблик из ореховой скорлупки. Царство

Злодиса лежит по ту сторону моря. Бросиши кораблик в воду — он большим кораблём обернётся. Когда приплывёшь в царство Злодиса и увидишь стражу в медных шлемах, скажи: «Корабельщики, корабельщики! Узнаёте ли корабль, что сделали своими руками? Это жёны и матери его посылают. Они день и ночь плачут — вас домой ждут».

Взяла Марья маленький кораблик да и снова пустилась в путь.

Вдвоем тяжелее он ей показался теперь: ведь стала она больной и немощной старухой. Хорошо, что ноги не уставали — выручали железные сапоги.

Дошла Марья до моря. Кипит оно, волны вздымаются до самого неба. Бросила она в воду кораблик. Обернулся он кораблём с белым парусом. Поплыла на нём через море в царство Злодиса.

Вскоре и другой берег показался, на берегу стража в медных шлемах.

Закричали стражники:

— Эй, кто там на корабле! Готовься к смерти! Ещё ни один человек живым не сошёл на этот берег.

Ждали они воинов, а перед ними появилась дряхлая, горбатая старушка.

Спрашивает их Марья:

— Корабельщики, корабельщики! Разве вы свой корабль не узнали? Его посылают вам жёны и матери. Они день и ночь плачут — вас домой ждут.

От этих слов развеялись колдовские чары Злодиса. Опомнились корабельщики, бросили свои шлемы и пики в море, стали корабль хозяйственным глазом осматривать, проверять, всё ли там на месте.

А Марья побрела дальше.

Смотрит по сторонам — ни полей, ни садов. Зато слышно, как мечи да копья точат: к новой войне готовятся.

Откуда ни возьмись — налетела стража в серебряных шлемах.

— Как ты сюда попала, старуха? — кричит. — Ещё ни один чужой человек здесь не оставался живым. Готовься и ты к смерти!

Сняла Марья с ног железные сапоги, бросила их стражникам.

— Узнаёте свою работу, сапожники? — спрашивает. — Эти сапоги прислали ваши жёны и матери. Они день и ночь плачут. Вас домой ждут.

Исчезло колдовство. Пришли в себя сапожники, схватили сапоги да и пустились со всех ног к морю.

А Марья дальше пошла. И вот перед нею хрустальный дворец стоит, всеми огнями на солнце переливается.

Подошла она к золотой лестнице, хочет по ней подняться. Да не тут-то было! Как из-под земли появилась стража в золотых шлемах.

— Как ты сюда пробралась, старая? — кричит. — Ещё ни один чужой не входил в этот дворец. Готовься к смерти!

Бросила она им каравай и говорит:

— Держите-ка хлебец, пекари! Его прислали ваши жёны и матери. Они день и ночь плачут. Вас домой ждут.

Освободились от заклятья и пекари. Схватили хлеб и тоже побежали что было сил к морю.

А Марья вошла во дворец и остановилась.

На всех стенах серебряные зеркала висят. Из каждого на неё смотрит дряхлая, горбатая старуха.

— Здравствуй, девица-красавица, здравствуй, Марья! — услышала она голос Злодиса. — Что, красотой своей любуешься?

— Здравствуй, Злодис! — ответила Марья. — Я пришла к тебе, как ты приказал, чтобы спасти царевича.

Низко поклонился Злодис своей гостье и сказал:

— У тебя верное сердце, Марья! Выпила ты три чаши горя, переплыла кипучее море, победила мою неусыпную стражу. Потому я снял заклятье с Ивана. Он уже здоровёхонек! Только вот о тебе и думать забыл. Не жалко тебе своей красоты, молодости и здоровья, которых ты ради него лишилась?

— Нет, не жалко, — ответила Марья. — Лишь бы он был счастлив...

— Ты щедра, но и я не жаден. Возьми всё обратно! — говорит Злодис.

И вот в зеркалах заулыбалась красавица, какой свет не видывал!

Любуется ею Злодис и говорит:

— Не годится тебе, Марья, с такой красотой быть служанкой у Лиходея, весь век горе мыкать. Оставайся здесь, будь моей женой, царицей моего царства!

Хлопнул он в ладоши, и очутились они в большой кладовой, где в золотых ларцах лежали драгоценные украшения, кружевные уборы, наряды один другого богаче и краше.

— Выбирай! — говорит ей Злодис.

Девица даже не взглянула на них.

Ещё раз хлопнул Злодис в ладоши. Оказались они в другой кладовой, где сто казначеев считали золотые монеты.

— Всё твоё будет! — говорит Злодис.

— Не нужно мне чужого золота, — отвечает Марья.

Топнул Злодис ногой, и очутились они в саду у волшебного озера.

— Погляди-ка сюда! — говорит он ей.

Взглянула девица в воду и видит дворец царя Лиходея. Одна за другой подъезжают ко дворцу золочёные кареты. Выходят разноряженные невесты. А на крыльце Иван их встречает...

Залюбовалась царевичем девица — о Злодисе и думать забыла.

А он говорит:

— Видишь, Иван жениться собрался, забыл о тебе. И ты о нём забудь! Ведь я для тебя всё что захочешь сделаю. Скажи только, чем мне тебя порадовать?

— Я хочу на Ивана взглянуть, счастьем его полюбоваться! — молвила девица.

— Ах ты глупая девчонка! — закричал Злодис. — Зря я тебе красоту вернул, все мои богатства показывал! Однако будь по-твоему. Я сдержу слово. Но за это ты снова станешь старой горбуньей.

И вмиг Марья превратилась в дряхлую горбатую старуху. А сам Злодис — в чёрного ворона.

Не успела Марья глазом моргнуть — очутилась она у дворца царя Лиходея.

Веселье там шло невиданное. Иван-царевич приглашал на танец то одну невесту, то другую.

Царь Лиходей отозвал сына в сторону и говорит ему:

— Пора, Иван, тебе сделать свой выбор. Ну, которая же из невест тебе приглянулась?

Опустил царевич голову и говорит:

— Ни одна, отец. Не торопи меня. Позволь мне по саду погулять, с мыслями собраться.

Идёт Иван по знакомой дорожке. Сколько раз ходил он по ней с Марьей! В саду каждый куст её руками посажен, её заботами выращен.

Остановился царевич у куста красных роз и сказал:

— Пусть же здесь перестанет биться мое сердце! Пусть оно не принадлежит никому другому!

Вынул царевич из-за пояса свой кинжал, занёс руку, чтобы с жизнью покончить, но в это время у ограды послышался топот стражи и

крики. Подошёл Иван поближе и видит, что стражники гонят прочь маленькую горбатую старушку, а она смотрит на него в упор и что-то шепчет.

— Оставьте её! — приказал царевич. — И пропустите сюда, раз она этого хочет!

Стражники подхватили старушку и поставили её перед царевичем. Следом прилетел и сел на ограду большой чёрный ворон.

Поглядел Иван на рваное платье старушки и говорит ей:

— Не богато, видно, ты живёшь, бабушка, позволь немного помочь тебе.

И протянул ей кошелёк, полный золотых монет.

Но старушка не приняла подарка.

Удивился царевич и ещё ласковее спрашивает её:

— Зачем ты сюда пришла, бабушка? Не бойся, скажи мне!

— Иван! — только и смогла вымолвить Марья.

— Марья! Моя Марья! Это твой голос! — воскликнул царевич.

— К-р-р-ах! — каркнул чёрный ворон и упал мёртвым.

В тот же миг старуха обернулась прежней красавицей.

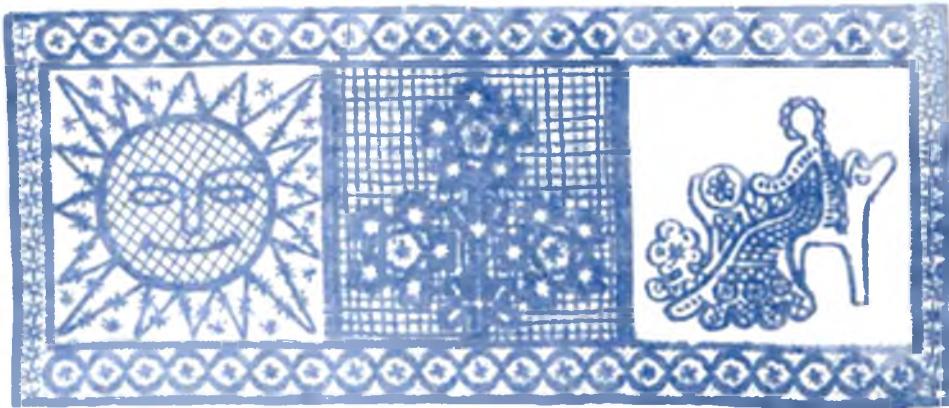
Взял её царевич за руку и повёл прочь, подальше от дворца. Вскоре они добрались до другого царства, где их знать не знали, узнать не могли.

Нанялись они на работу садовниками, зажили мирно и счастливо.

А когда стала у них подрастать синеглазая, златокудрая дочка Аньота, — вырастили они для неё сине-золотой цветок и назвали его Аньотины глазки.

Правда, многие этот цветок зовут ещё и по-другому: Иван-да-Марья. Ну, кому как нравится.

ПОЧЕМУ ВОЛКИ ВОЮТ НА ЛУНУ

Все сёстры были прилежны и трудолюбивы. Но Катюшенька всегда, бывало, первая сядет за работу, последняя встанет. И сказки она складывала только про рукодельницу.

Вот одну из них она царю и рассказала.

Мирно и счастливо жил лесник Степан со своей женой Степанидой. Печалились они только об одном — деток у них не было.

Но ни Степан, ни Степанида об этом никогда ни слова, будто каждый из них о детях давным-давно и думать забыл.

Иногда, бывало, Степанида выйдет ночью на крылечко, посидит, повздыхает да *ещё* Луне пожалуется:

— Луна, Луна, ночное ты наше солнышко! Смотрю я на твоих дочек, Звёздочек, и за-

видую. Сколько их там у тебя — не пересчитать! Хоть бы нам одну подарила — пожалела бы нас...

А придёт в избу как ни в чём не бывало! Если Степан что заметит, спросит:

— Ты что, Степанидушка, никак плакала? Уж не захворала ли?

Степанида поспешит ответить:

— Что ты, что ты, Стёпа! Просто соринка в глаз попала. Теперь всё уж и прошло.

Степан тоже потихоньку от Степаниды о детях горевал.

Случалось, увидит охотника, спросит, нет ли где сироты, взял бы его вместо сына. Да о сиротах никто не слыхивал, а своих детей кто чужим людям отдаст?

Вот Луна над Степанидой и сжалась.

Позвала она к себе самую младшую дочь Алуна и говорит ей:

— Ты у меня трудолюбивая и послушная. Хочу тебя для доброго дела на землю послать. Будешь жить вместо дочки у лесника и лесничихи.

Подслушали этот разговор другие дочки Луны — Улуна и Элуна. Закричали:

— Мы тоже хотим на землю! Надоело нам здесь. Всё одно и то же: со скуки умереть можно!

— Куда уж вам! — сердито сказала Луна. — Вы обе ленивы да непослушны. Кому такие нужны?

Обиделись сёстры и решили сбежать тайком.

Луна спустилась совсем низко, коснулась земли одним своим рогом. Стала с дочкой прощаться.

Сёстры тем временем быстрёхонько спрыгнули, да так тихо, что Луна этого не заметила.

Подала она Алуна маленькую корзинку для рукоделия и сказала:

— Здесь, Алуна, иголки, булавки и ножницы. Как с ними обращаться — тебя на земле научат. Береги её. Она поможет в беде. Прощай, дочка, и будь счастлива!

Поблагодарила Алуна свою мать, обняла её и спрыгнула на землю. Идёт по лесной тропинке, а Луна ей путь освещает, чтобы не боязно было. Подошла Алуна к избушке лесника, села на крыльцо и стала ждать, когда Степан со Степанидой проснутся. Вдруг слышит рядом голоса своих сестёр:

— Алуна! Мы тоже здесь. Только матери об этом ни слова! Лесничихе скажем, что Луна нас троих прислала.

Алуна не успела ответить, как дверь отворилась. Степанида вышла на крыльцо.

— Матушка! — закричали в два голоса Улуна и Элуна. — Нас Луна прислала. К тебе в дочки.

Обрадовалась Степанида. Повела их мужу показывать.

— Смотри-ка, Стёпа, — говорит, — каких славных дочек нам Луна подарила. Три дочки — три помощницы. Такое счастье разве что во сне приснится!

Степан тоже был рад-радёшенек. Ну-ка ты, три дочки сразу! И какие дочки — одна другой краше!

Целую неделю Степан и Степанида от радости ног под собой не чуяли, не знали, куда посадить своих ненаглядных дочек, какими кушаньями их потчевать.

Старшие сёстры быстро привыкли к такому обращенью, стали даже покрикивать. В доме теперь только и слышалось: «Подай! Принеси! Убери!..»

Алуна же ходила за Степанидой и всё спрашивала:

— Чем тебе помочь, матушка? Как это, как то делается?

Скоро Алуна так научилась вести хозяйство, будто она на земле родилась, с детства всё знала.

Похвалила её Степанида:

— Да ты теперь, доченька, лучше меня всё умеешь!

Тогда Алуна подала ей корзинку, что с собой принесла, и сказала:

— Нет, не всё ещё. Я ведь не знаю, что с нитками и иголками делать.

Степанида научила Алуна шить, вышивать, плести кружева — все узоры, какие сама знала.

Теперь каждый день Алуна плела то занавески на окна, то скатерть, то вышивала отцу праздничную рубашку. Так ей это понравилось, что она и сёстрам, бывало, не раз говаривала:

— Сестрицы! Давайте я и вас научу!

— Вот ещё! — отмахивались те. — Очень надо спину гнуть!

И уходили из дома прочь.

Целый день по лесу слонялись, семечки щёлкали, зевали от скуки или дремали в тени под берёzkами. Только и видели их дома, когда они за стол садились или когда спать укладывались.

Не однажды Степан со Степанидой пытались их на ум-разум наставить, да не тут-то было! В ответ грубостей наслушаётся — только и всего!

— Сами, — говорят, — вы нас у матери вы-просили, вот и кормите теперь. А в работницы мы к вам не нанимались.

И опять в лес уйдут, орехи да семечки щёлкать.

Однажды лежат они на лужайке и, как всегда, друг другу жалуются.

— Ах, сестрица, надоели мне вечные по-прёки! — говорит Элuna. — И почему нас замуж никто не возьмёт? Я бы с радостью за кого угодно пошла, хоть за паука...

Только она это сказала, а паук тут как тут. Повис на паутинке перед её носом и говорит:

— А вот и я! Раз ты согласна — сейчас же и свадьбу сыграем. Будешь у меня жить, как царица: в щёлковой сетке целый день качаться, сладкий медок попивать. Пусть все твоей красотой любуются, мне, твоему мужу, завидуют!

— Я согласна, — ответила Элuna. — А как же ты, сестрица?

Гут из кустов выбежала стая волков. Огромный волк подбежал к Улуне и говорит:

— У-у-у-луна! Я пришёл к тебе свататься. Будь моей женой и волчьей королевой! Видишь, сколько у меня слуг? Всеми будешь распоряжаться, всем приказывать. Соглашайся! Вместе с твоей сестрой и свадьбу сыграем.

— Согласна! — ответила Улuna.

Взглянули сёстры друг на друга и засмеялись.

— Ну, сестрица, — говорит Элuna, — как мы славно устроились!

— Да, — согласилась с ней Улuna. — Будем своими домами жить. Друг к другу ходить в гости.

О сестре да о своих приёмных родителях они и не вспомнили.

А Степан со Степанидой забеспокоились, уснуть не могли, пошли ночью их разыскивать.

Бежит им навстречу лиса, спрашивает:

— Дочек своих ищите? Так ведь у них свадьба! Элuna выходит замуж за паука, Улuna — за серого волка. Что же они на свадьбу-то вас не пригласили? Хи-хи-хи!..

И скрылась рыжая. Только её и видели!

Поплакали дома лесник с лесничихой, погоревали. Да что тут поделаешь!

* * *

Вот однажды сидит Алuna у крыльца, кружева плетёт и поёт потихоньку.

Вдруг из леса выходит незнакомый человек. Смотрит на неё и своим глазам не верит.

— Вот чудеса! — говорит. — Позвали меня лошадей подковать. А что здесь появилась такая красавица, никто и словом не обмолвился. Кто ты, девица? Как прикажешь тебя звать-величать?

— Меня зовут Алуна. Я — приёмная дочь лесника и лесничихи. А ты кто будешь? Как тебя звать? — спрашивает Алуна.

— Зовут меня Антоном, — говорит гость. — Мастер я на все руки.

Тут хозяева выбежали, пригласили Антона в избу.

Угощают его, а он с дочки глаз не сводит. Да и она украдкой на него поглядывает.

Поклонился гость леснику и лесничихе и говорит:

— Полюбилась мне ваша дочка. Отдайте её мне в жёны!

Степанида руками развела, а Степан ответил:

— Сердце у тебя доброе и руки — золотые, я знаю. Но решать не нам. Спрашивай дочь.

Алуна подала руку Антону и сказала:

— Я согласна.

Расцеловал Антон свою невесту, поблагодарил лесника с лесничихой. Потом подковал лошадей — и скорее домой — обрадовать доброй вестью отца с матерью.

Вслед за ним и Степан со Степанидой отправились: в город, за свадебными покупками.

Осталась Алуна одна. Села возле открытого окна и принялась плести для себя кружевную свадебную фату.

Тут вспомнила она о сёстрах и опечалилась. Как-то, думает, они живут?

* * *

Но по правде говоря, на первых порах старшим сёстрам жилось неплохо. Паук для жены целыми днями таскал душистый мёд, а волк жарил на костре зайцев да куропаток. Но скоро мужьям это надоело.

— Вот что, голубушка, — сказал жене паук. — Привыкай моей пищей питаться — мошками да мухами...

Волку тоже опостылело у костра сидеть, шкуру от огня беречь. И он предложил жене:

— У-у-улуна! Будешь есть со мной вместе. Что я, то и ты...

Погорячились обе сестры, пофыркали, поплакали даже, но пришлось согласиться. Не умирать же с голоду!

Скоро сёстры забыли о своих прежних привычках и ели со своими мужьями за одним столом.

И стали они всё больше и больше походить на них, пока наконец не превратились одна в паучиху, другая — в волчицу.

Так и жили они поживали. Ходили в гости друг к другу. Хвалили своих мужей.

Так бы и дальше было, если бы болтливая сорока не принесла им новость.

— Сестрички! Хочу вас обрадовать! — застремилась она. — Ваша Алуна тоже собирается замуж. За кузнеца Антона. И красавец же он, говорят, каких свет не видывал.

Говорит Элуна сестре:

— Что же это такое делается-то на свете? Мы, старшие, выходи замуж за паука да за волка, а самая младшая — за красавца кузнеца?

— Не бывать этому! Подыщем ей другого жениха. Ещё не хватало, чтобы она перед нами нос задирала! — прорычала Улуна.

Элуна тут же предложила:

— Да что искать? Я знаю: Филин по ней сохнет. Давай выдадим за него. Мы — старшие. Она должна нас слушаться.

Позвали Филина.

— Хо-хо-хо! Да я бы с радостью женился на вашей сестре, — воскликнул Филин, — только пойдёт ли она за меня?

— А не пойдёт, так силой заставим! — сказали сёстры. — Готовься, Филин, к свадьбе! Сейчас соберём волков и пауков, пойдём вместе с тобой невесту сватать...

* * *

И вот двинулись к дому лесника волки и пауки.

Филин сел на подоконник, возле которого плела кружево Алуна, и зашептал:

— Алуна, выходи за меня замуж! Будешь жить у меня, как лесная царица.

— Спасибо за честь, Филин, но ты опоздал.

Я уже просватана, — ответила Алуна. — А не знаешь ли ты, где мои сёстры?

Тут паучиха прыгнула к ней на руку:

— Здравствуй, сестрица! Это я — Элуна. Послушай, Филин — жених хоть куда! Открывай двери — будем свадьбу играть. Вон сколько гостей к тебе собралось!

Алуна сбросила со своей руки паучиху.

— Не верю я, чтоб ты была моей сестрой!

Рассвирепела паучиха, приказала мужу:

— Вели паукам связать грубиянку!

Выглянула Алуна в окно, а там волчица стоит, на неё глаза уставила и рычит:

— Это я — твоя сестра Улуна. Или ты сейчас же с Филином свадьбу сыграешь, или прощайся с жизнью!

— Нет, нет! Ни за что на свете! — закричала Алуна.

— Тогда пеняй на себя, — прорычала волчица. — Муженёк, пусть волки унесут гордячку в лес!

Обрадовались волки, со всех ног бросились к дому.

Хотела Алуна окно захлопнуть, но куда там! Тьма-тьмущая пауков накинулась на неё и ну её вязать, опутывать липкой паутиной.

Слышит Алуна, что волки у двери зубами щёлкают, поняла, что смерть к ней пришла, а помоши ждать неоткуда. Тут взглянула она на свою корзинку для рукоделия, вспомнила слова матери-Луны и говорит:

— Корзиночка, если можешь, помоги мне!

В тот же миг корзинка открылась. Выскочили из неё иголки, булавки и ножницы. Глянь, у каждого за спиной целое войско стоит.

Бросились иголки и булавки на пауков и ну их колоть!

Всех до одного перекололи.

Ножницы разрезали паутину, что опутала Алуна, и в окно прыгнули — помчались против волков сражаться: стричь им хвосты да уши.

Испугались волки, едва ноги унесли.

Обрадовалась Алуна, что спаслась от такой беды.

Не забыла поблагодарить корзинку для рукоделия. А та стоит себе, не шелохнется! Будто она тут ни при чём!

На другое утро Степан со Степанидой вернулись. За ними Антон с отцом и матерью приехал, да ёщё гостей прихватил.

Рассказала Алуна им обо всём. Спрашивает жениха:

— Может, ты теперь от меня отступишься?

Антон надел ей на палец колечко и сказал:

— Не для того я ни свет ни заря сюда примишался, свадьбу торопил. Никогда я от тебя не отступлюсь! А Луне за подарок — наш земной поклон! Теперь ты не её дочь, а Степана и Степаниды. По-земному мы тебя и звать станем — Алёной, Алёнушкой.

И пошёл тут пир горой. Все радовались. Только злая волчица в лесу не радовалась. Зависть гладала её сердце. Не вытерпела, побежала Луне на свою судьбу жаловаться.

— У-у-у! — завыла она, чтобы мать услышала её имя, поняла, кто зовёт. Но так и не смогла его выговорить. А Луна Улуну не узнала.

И теперь, по старой привычке, волки на луну воют.

Об Алёнушке же добрая слава осталась. Её имя по свету гуляет. Многие так своих дочерей зовут.

ЗОЛОТЫЕ ГУСЛИ

Катёна была первой на селе певуньей. Свои песни она сама и складывала. Потому и сказки у неё были, как песни: хочешь — пой, хочешь — рассказывай.

Для царя Петра она выбрала свою сказку-песню «Золотые гусли».

Когда-то у озера Лача жил гусляр — молодой да умелый. Его слава гуляла по свету. Люди знали к нему дорогу. Первым гостем звали на свадьбы.

Бывало, лишь тронет он струны — никого на месте не удержишь, а уж песни поёт — сердце радуется!

И сам гусляр поплясать бы не прочь, да мешали больные ноги: в детстве деревом их перебило. Но Мезень слёз не лил, на судьбу не

пенял. Умел веселить и веселиться. За это его люди и любили.

Вот однажды присылают оленей — приглашают Мезеня на свадьбу. Выдаёт один бедный охотник за купца свою дочь Онегу. Снарядился гусляр и поехал. Приезжает — свадьба в полном разгаре. На почётном месте купец и Онега. Жених, словно старый гриб, а невеста! Много видел Мезень красавиц, но она среди них, как солнце. Уронил он звонкие гусли, не может глаз отвести от Онеги.

Тут подходит отец невесты:

— Что же ты, Мезень, не играешь? Почему молодых не славишь?

На купца взглянув, гусляр очнулся. Гусли поднял, ударил по струнам. Заговорили они, заиграли. Звоном золота наполнили избу, будто рядом бросали монеты.

Оглядываются гости, смотрят, не рассыпал ли кто и вправду деньги?

Улыбается жених довольный, отец Онеги потирает руки.

Поглядел гусляр на невесту. По-иному запели гусли. Показалось всем: пригрело солнце, расцветают цветы, поют птицы, на земле весна наступила!

Переглядываются гости друг с другом: верней красоту Онеги не опишешь!

О весне да о радости пели гусли, но закончилась песня стоном — кому такая красота достаётся?

Смотрят все на Онегу — вздыхают.

Рассердился жених, глянул злобно.

Отец невесты оробел, испугался. Говорит гусляру потихоньку:

— Не сердись на меня и не сетуй! Я бы слушал тебя дни и ночи, но жених в этом доме — хозяин. Поезжай-ка домой и не медли. Нам дразнить богачей не пристало.

Подошёл и купец, злость скрывая. Протянул золотые гусли. Деревянные бросил под лавку. Говорит на прощанье Мезеню:

— Спасибо, гусляр, за песни. Распотешил мою ты душу. И за это награды достоин. Твои гусли, я вижу, убоги. Золотые прими в подарок. Помни щедрость мою до смерти!

* * *

Мчит олень домой Мезеня. Горят на солнце золотые гусли.

Где бежит олень — гусляр не видит. Онega у него перед глазами!

Проезжает он бор дремучий. Узнают его птицы, смолкают. Слушают: не зазвучит ли песня? Не до песен теперь Мезеню!

Мимо поля ржаного едет. Замерла рожь, колоском не шелохнет: слушает, не заиграют ли гусли. Не отзываются его звонкие гусли.

Вот река перед ним показалась. Остановились говорливые волны. Ждут: не запоют ли струны?

Придержал Мезень оленя, а сам думает горькую думу: «Зачем мне домой возвращать-

ся? Для чего буду жить на свете? Один, с тоской по Онеге, Онеге — чужой невесте?»

Наклонился гусляр над водою и промолвил реке печально:

— Не принёс я сегодня песен, а принёс свою жизнь в подарок.

Забурлила река, закипела. Бегут прочь её быстрые волны. Налетает могучий ветер, гусляра от берега гонит.

Вдруг послышался топот оленя. Он всё громче, всё ближе и ближе...

Оглянулся гусляр — Онега! В глаза ему смотрит и шепчет:

— Тот жених отцом моим выбран, тебя выбрало моё сердце.

Не верит Мезень в своё счастье:

— Жених твой, Онега, богатый: дом с коврами, олени, кони. У меня ж только ветхая лачуга, и сам я, как видишь, калека.

Улыбнулась Онега и сказала:

— Одно богатство мне нужно: твоё сердце. Едем же к нашему дому!

* * *

Прискакали к избушке Мезеня. Радуются — нарадоваться не могут. Взял Мезень золотые гусли и с улыбкой сказал Онеге:

— Наконец-то любовь да счастье и меня, бедняка, посетили! Для тебя, моей невесты, я хочу спеть такую песню, какой ёщё свет не знает, ни одна невеста не слыхала!

Но лишь гусли легли на колени, пальцы струн золотых коснулись — охватило холодом Мезеня. Заледенела кровь в его жилах. Каменным стало сердце. Им больше любовь не владеет, а владеет ненависть и злоба. Не свадебная песня родилась, а жестокие неправые упрёки:

— Поди прочь, чужая невеста! Зачем лжёшь, что ты меня любишь? Если было бы это правдой, ты бы прежде нашла корень жизни и ноги мои исцелила.

Ничего не сказала Онега. Вскочила на верного оленя и скрылась в зелёной чащё.

Спрашивает олень дорогой:

— Скажи, что случилось, хозяйка?

Про беду Онега рассказала. Успокоил её олень советом:

— В этом горе тебе ветер поможет.

Обратилась Онега к ветру:

— Ветер, ветер, ты всюду веешь, знаешь каждую в мире травинку. Не приметил ли где корень жизни?

Прошептал едва слышно ветер:

— В лес дремучий, в тайгу ступайте!

Поскакал олень что есть духу. Мчится день, другой, а на третий — прискакал он в лес незнакомый. Что ни шаг здесь, то дивное диво: виноград растёт рядом с кедром, на земле следы тигра, медведя...

Только ни до чего Онеге. Среди трав густых и высоких она ищет целебный корень. Нелёгкая это работа: обжигает пальцы крапива, рвут кожу кустов колючки.

Олень ей во всём помощник. Раздвигает кусты рогами, топчет насмерть змей ядовитых.

Вот склонился, понюхал он землю. Вдруг стал её бить копытом. Онега глазам не верит: среди комьев лежит корень жизни.

Благодарит она верного друга. В путь-дорогу его торопит.

Как стрела летел олень к дому.

Вот изба гусяря перед ними. Подбегает к крыльцу Онега. А на нём Мезень, словно мёртвый.

Наклонилась она и сказала:

— Не горюй, Мезень, я вернулась! Привезла для тебя корень жизни.

Обнимает гусяр невесту. Раненые руки ей целует, просит прощенья за обиды.

Отвечает ему ласково Онега:

— Полно, Мезень, всё забыто! Обиды помнит тот, кто мало любит.

* * *

Сварили целебное зелье. Выпил его Мезень — палки бросил. Ноги, чувствует, будто не болели!

— Онега! — гусяр воскликнул. — Чем благодарить тебя буду? Где смогу найти равный подарок? Да и что мне дарить, кроме песни? Пусть же будет в ней столько веселья, сколько радости в моём сердце!

Взял он в руки дарёные гусли. Но лишь струн золотых коснулся — застлало глаза тума-

ном. Не узнал своей он невесты, оттолкнул её руку со злобой.

Не свадебная песня родилась, а неправые, жестокие упрёки:

— Поди прочь, чужая невеста! Какой толк, что стал я здоровым! И здоровые с голоду гибнут. Иди от меня куда знаешь. А сюда возвращайся не раньше чем найдёшь золотой самородок, да не меньше твоей ладони.

Ничего не сказала Онега. Молча в лес на оленье умчалась.

Спрашивает олень дорогой:

— Что опять случилось, хозяйка?

Про беду Онега рассказала. Успокоил её олень советом:

— В этом горе тебе птицы помогут.

— Птицы, птицы! — взмолилась Онега. — Никто дальше вас не летает, никто лучше вас не видит. Пожалейте меня — укажите, где найти золотой самородок?

На счастье, летел мимо сокол.

— В горы, — сказал он, — скажите! От грозы там скала раскололась, рассыпала в ущелье самородки.

Благодарит птицу-сокола Онега, направляет путь свой в горы. Отыскала девица самородок, тот, который не меньше ладони.

Возвратилась к избушке Мезеня. Выбегает он ей навстречу. На коленях просит прощенья.

Говорит ему ласково Онега:

— Полно, Мезень, всё забыто. Обиды тот считает, кто не любит.

* * *

Птицы ль про то рассказали, или ветер разнёс по свету, только всюду узнали — Мезень строит новую избу.

Собрались мастера всех ремёсел помочь гусляру кто чем может.

Дружно принялись за работу. За неделю изба готова. И какая изба — загляденье! Вся резная, будто кружевная.

Вынесла Онега самородок.

— Нет цены вашей работе, — сказала. — Примите от нас хоть это.

Пробовали мастера отказаться. Убедил Мезень их словами:

— С этим золотом связаны обиды. Пусть уходят они из дома!

Взяли мастера самородок и с хозяевами попрощались.

Говорит Мезень невесте:

— Такая жизнь и во сне мне не снилась! И всё это ты сделала, Онега! Люблю я тебя больше жизни, счастлив я, как никто на свете! А где счастье, говорят, там и песни. О тебе буду петь я сегодня...

Взял он в руки купцов подарок, легли пальцы на струны золотые. Но не песня любви зазвучала — зазвучали жестокие упрёки:

— Поди прочь, чужая невеста! Твои косы как чёрные змеи, и глаза твои — чёрная сажа. Иди от меня куда знаешь! Обратно тогда возвращайся, когда косы станут золотыми, а глаза — словно синее море!

Ничего не сказала Онега. Снова в лес на олене умчалась. Поведала ему своё горе.

Говорит ей олень со вздохом:

— Ох, хозяйка! Не утешу тебя я сегодня. В силах помочь в твоём горе только Океан Ледовитый. Тот всё может, но вряд ли захочет. Что ему до беды человека? Он не внемлет ни крикам, ни стонам. Много жертв в его мрачных глубинах. Никому не пришёл он на помощь.

Но не слушает дальше Онега:

— Без надежды и жизнь невозможна. Едем к нему поскорее!

Долго, нет ли они добирались, прискакали на берег Океана.

Онега сошла на землю, вокруг смотрит с душевной тоскою: перед ней ледяная равнина и нет ни конца ей, ни края...

Поклонилась она Океану:

— Здравствуй, царь морей — Океан Ледовитый! Не гневись, что пришла к тебе с просьбой. В ней — вся жизнь моя, всё моё счастье. А помочь только ты один можешь...

Молчит Океан безбрежный. Лишь ветер снегом играет да льдины трещат от мороза.

Начала свой рассказ Онега.

Грозно дышит Океан лютым ветром. От его ледяного дыханья до костей мороз пробирает. Поднимается снежная буря.

Ещё раз поклонилась Онега и сказала с великой мольбою:

— Помоги мне, Океан могучий! Лучший гусляр на свете прославит тебя в своих песнях.

Ну, а если не знать мне счастья — я дочкой твою стану...

Только молвила она это — льда и снега как не бывало! Поднялись могучие волны, летят в неё солёные брызги!

Миг — и вновь Океан спокоен. Посмотрела Онега в воду. Себя видит — узнать не может: косы чёрные стали золотыми, а глаза — как синее море.

Словно ветер летел олень к дому.

У крыльца гусяря народ толпится, а он неутешно рыдает:

— Не просите, гости дорогие! На свадьбу я не поеду. До песен ли мне в таком горе? Прогнал я свою невесту, а за что, про что — сам не знаю. Погубил навсегда своё счастье...

Подошла Онега и сказала:

— Не печалься, Мезень, я вернулась. Что желал ты увидеть, то стало.

Смотрит гусяр на невесту и никак глазам своим не верит:

— Онега! Возможно ли это? Или сплю я и снится мне чудо?

Отвечает ему Онега:

— Любовь на земле всегда чудо. Для неё для одной всё возможно.

* * *

Уже день сменился ночью. Вокруг Онеги — гости толпою. Все дивятся — надивиться не могут. Наконец не стерпели, спросили: как же с нею такое свершилось?

Не скрывала Онега правды:

— Мне помог Океан Ледовитый.

А гусляр глаз не сводит с невесты: ведь второй такой красавицы нету!

Обращаются гости к Мезеню:

— Ты невест чужих немало славил. Отчего не славишь Онегу!

— Ну, за этим дело не станет, — сказал Мезень, улыбнулся и снял со стены свои гусли.

Но лишь струн золотых коснулся — вмиг покинула сердце радость. Помертвел он, дрожит, как в ознобе, говорит Онеге со злобой:

— Лгунья ты иль колдунья — не знаю. Раз тебе Океан подвластен, значит, Солнце подвластно тоже. Прикажи-ка ему немедля, чтоб светило нам днём и ночью!

На колени упала Онега. Вся в слезах, гусляра умоляет отказаться от слов неразумных.

Гости в страхе домой ускакали.

А Мезень, словно буря, бушует. Гонит вон со двора невесту.

Выбежала Онега на дорогу. Заплакала, закричала:

— Царь морей! Океан Ледовитый! Не принёс твой подарок мне счастья. Так возьми же меня к себе в дочки!..

Отзвучало последнее слово — и девицы как не бывало! На том месте родилась речка, с водою прозрачной, как слёзы.

Гусляр, в гневе себя не помня, на крыльце швырнул гусли золотые. Содрогнулась земля, расступилась — ни избы, ни гуслей не стало...

Тут к нему и вернулся разум. Вспомнил он про купцову «щедрость». Променял он, гусляр, свои гусли на купцовы гусли золотые. А от них и пошли все беды!

Тотчас выбежал он на дорогу. Но Онеги нет и в помине. Он кричит, он зовёт её, плачет. Только эхо над ним смеётся.

* * *

Прошли дни, прошли месяцы, годы. Бродит он по лесам и болотам — ищет след пропавшей невесты. И жива та же боль в его сердце, и жива в его сердце надежда.

Вот однажды идёт он по лесу. Видит россыпи красной брусники. Взял он ягоду в рот — что за чудо! Непонятное птиц щебетанье стало вдруг человеческой речью!

Две сороки на кедре болтают:

— Ты слыхала ль, подружка, недавно у нас новая речка родилась?

— Да об этом давно каждый знает.

Тут вступил в разговор старый сокол:

— Зато мало кто знает на свете, что той речкою девица стала.

И поведал сокол подружкам об Онеге и Морском владыке, как дала она клятву роковую и потом эту клятву сдержала.

Зашатался гусляр от горя. Закричал на весь мир страшным криком:

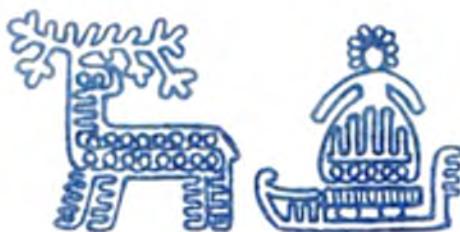
— Царь морей! Океан Ледовитый! До земли тебе поклонюсь я: взял ты дочку, возьми ещё сына!..

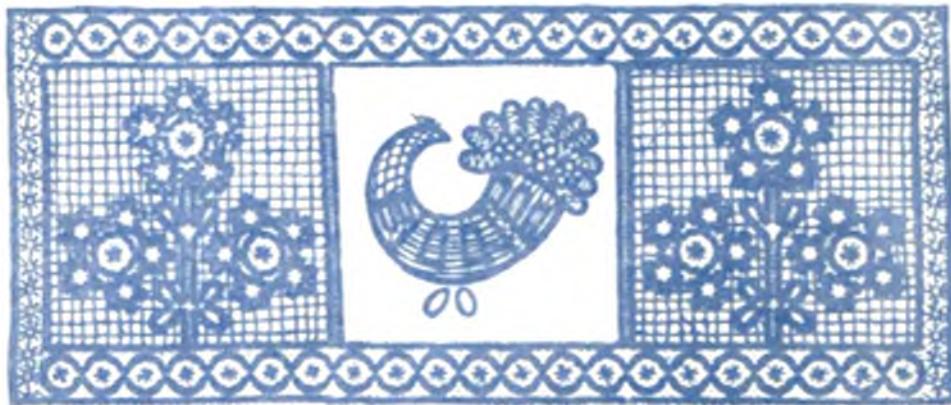
Повторять не пришлось Мезеню. Забурлил,
заиграл поток новый, устремился вперёд, за
Онегой.

Давно, говорят, это было.

Но текут в Океан и поныне те большие, мо-
гучие реки — белопенная красавица Онега и
Мезень — полноводный и бурный.

Да осталась о них ещё песня,
Что гуляет по белому свету.
И в той песне старинной поётся:
Не в деньгах, не в золоте счастье...

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Катерина была первой на селе красавицей. Много женихов старалось уговорить её замуж да увезти на чужую сторону.

Катерина только и скажет:

— На чужой сторонушке я с тоски зачахну! Потом улыбнётся и расскажет женихам сказку про соловья. Вот эту сказку она и царю рассказала.

Когда-то очень давно жил на свете один-единственный Соловей. Как и теперешние соловьи, улетал он на зиму в тёплые страны.

Зимовали там и другие северные птицы, а петь не пели: тосковали по родной стороне. Какие уж тут песни! Только и ждали, когда ветер принесёт вести, что дома весна пришла...

Молчал и Соловей. Поэтому птицы тёплых стран знать не знали, что рядом с ними живёт самый лучший певец на свете.

Но вот подул весенний ветер. Северные птицы стаями поднялись в небо.

Полетел вместе с ними домой и Соловей.

Вдруг откуда ни возьмись коршун. Схватил он когтями одну птицу из стаи, а Соловья крылом сбил.

Упал Соловей замертво на дерево. А когда пришёл в себя — увидел, что все птицы улетели на Север, а он остался на чужой стороне один-одинёшенька. К тому же с перебитым крылом.

Наступила ночь. Лежит Соловей. Смотрит в тёмное небо, а на нём звёзды, точь-в-точь такие, как в родных краях.

Показалось ему, что он уже дома, в ивовой роще, на берегу речки.

И Соловей запел.

От его пения проснулись птицы. Слушают незнакомые песни — наслушаться не могут.

Услыхал его и царь этой страны — Дин. Позвал слуг и спрашивает:

— Кто это так поёт?

Слуги дрожат, но молчат — не знают.

— Позвать ко мне всех мудрецов! — приказал царь.

Собрались мудрецы.

— Кто это поёт? — снова спрашивает царь.

Мудрецы молчат — не знают.

Тут вошёл самый старый мудрец. Он ответил царю:

— Это Соловей. Первый певец на всём свете. Он живёт на далёком Севере.

Царь вскочил с трона.

— На Севере? — закричал он. — Значит, он вот-вот улетит домой? Сейчас же поймать Соловья и принести ко мне!

Слуги бросились ловить птицу.

А Соловей всё пел. Он вспоминал одну за другой все песни, что пел в родных краях. Не видел он, как подкрались к нему царские слуги и накинули шёлковую сеть.

Принесли его к царю.

Царь Дин посмотрел на небольшую серую птичку и говорит:

— Кто бы мог подумать, что у тебя такой голос! Оставайся навсегда в моём царстве, и весь свет узнает, какой у меня певец объявился!

Соловей ответил:

— Слава, царь, как ветер: прилетит и улетит прочь. А родина — мать родная. Она дала мне жизнь, вырастила меня, научила петь. Как я могу от неё отказаться?

— Проживёшь и без родины в веселье да радости, — засмеялся царь.

И велел он обнести свой сад железной сеткой, чтобы Соловей не мог улететь.

Теперь каждый вечер у царя Дина собирались именитые гости. Они заставляли Соловья петь, когда кому захочется слушать. И пошла-понеслась о нём слава по всем заморским странам!

Другие цари от зависти света невзвидели. Каждому хотелось заполучить такого певца.

И вот однажды к царю Дину прибыли послы от царя Праха. Поставили они перед Дином сундук, поклонились ему и сказали:

— Выбирай, царь! Или ты возьмёшь этот сундук с золотом и отдашь нам Соловья, или царь Прах пойдёт на тебявойной и отнимет птицу силой.

Побелел от злости царь Дин, да что было делать! Царь Прах много сильней его. Пришлось Соловья отдать. Царь Прах принял певца с почестями. Говорит ему:

— Я вижу, о тебе никто не заботился: уж больно ты плохо одет! Оставайся навсегда в моём царстве. Будет у тебя много золота и драгоценных камней.

Соловей покачал головой и ответил:

— Зачем мне золото, царь? Оно как вода: придёт и уйдёт. А родина — мать родная. Она дала мне жизнь, вырастила меня, научила петь. Как я могу от неё отказаться?

Царь Прах расхохотался.

— Подумаешь, родина! Золотые цепи, говорят, самые прочные. И не таких богатырей сковывали по рукам, по ногам.

Приказал царь Прах построить для Соловья дворец, дал ему слуг. Птицу разодели в княжеские одежды. Каждое пёрышко на хвосте украсили самоцветами. Если бы северные птицы увидели Соловья теперь — ни за что бы не узнали его!

И пошёл во дворце царя Праха каждый вечер пир горой. Соловья заставляли петь без передышки. И он пел и пел. Ведь от песен о родной земле у него крылья становились всё крепче!

Наконец наступил день, когда они совсем окрепли. Сбросил Соловей княжеские одежды, отряхнул самоцветы и полетел в родные края. А навстречу ему летит стая северных птиц! Оказывается, дома-то уже зима наступает!

Пришлось Соловью вернуться в свой золотой дворец. На этот раз прожил он в нём недолго.

Злобный и хитрый царь Хап решил во что бы то ни стало заполучить Соловья. Собрал он тьму-тьмущую войска и двинулся на царя Праха.

Сам явился к нему во дворец и говорит:

— Здравствуй, Прах! Я всё ждал, когда ты догадаешься подарить мне Соловья, да не дождался. Поспеши это сделать сейчас. Или я от твоего царства камня на камне не оставлю!

Пришлось отдать Соловья.

Новый хозяин приказал посадить его в просторную золотую клетку. Днём и ночью стража неусыпно стерегла птицу.

Хап никогда не приглашал гостей. Он один слушал соловьиные песни. И случилось чудо.

Царь всегда был злым и кровожадным. Только и думал о войнах да казнях, о казнях да войнах. А тут словно забыл о них. Стал печальным да задумчивым.

Пришла пора, и северные птицы снова тронулись в далёкий путь.

Соловей же бился-метался в своей клетке. А царь Хап уговаривал его:

— На что тебе родина, Соловушка? Ведь здесь ты станешь моим наследником — владыкой половины света! — И тут же приказал сбратъ народ, чтобы объявить ему свою волю. Взял он птицу в руки и вышел с ней на крыльцо.

Но Соловей вырвался из рук, поднялся в небо и полетел догонять северных птиц.

Говорят, царь Хап тут и умер.

А Соловей вернулся в свою родную ивовую рощу на берегу речки. И теперь там поёт от зари до зари. Каждый, кто хочет, может его послушать.

НЕДОДЕЛ И ПЕРЕДЕЛ

А Катеринушка грустить не любила. Наоборот. Любила сама посмеяться и других посмешить. Сказки у неё всегда получались забавные и весёлые.

Поэтому и рассказала она царю смешную сказку «Недодел и Передел».

У одного бедного крестьянина было два сына: Фома и Ерёма. Только в деревне их звали иначе: младшего — Переделом, старшего — Недоделом.

И не зря.

Скажет, бывало, отец:

— Фома, сходи-ка накоси травы для Бурёнки!

Фома был малый послушный и работящий. Возьмёт он косу и отправится косить траву.

Проходит час, другой. Пропал Фома. Бурёнка мычит — есть просит.

Рассердится отец — сам на луг пойдёт. Смотрит, Фома половину луга скосил, за вторую принялся. А трава только-только в рост пошла!

Или попросит его мать свёклы для борща с огорода принести. Уйдёт Фома — и как в воду канет. Заглянет мать в огород — батюшки-светы! Сынок-то всю свёклу дочиста выкопал!

Ну как после всего этого его Переделом не звать? Каждый раз он переделает столько лишнего, что от его работы пользы ни на грош, а один вред.

Старший сын Ерёма тоже был послушный и трудолюбивый. За что ни возьмётся — всякая работа у него в руках так и кипит! Любо-дорого посмотреть. Одно плохо: возьмётся Ерёма с огоньком, но и половины дела не сделает, как ему непременно что-то другое делать вздумается. Ерёма тут же начатое бросает и как ни в чём не бывало принимается за другое.

Хорошо ли это? Судите сами.

Пошлёт его мать на реку бельё полоскать. Ерёма половину белья выполощет так, что оно белее снега станет. Потом заглядится на птиц и начнёт мастерить силки, чтобы поймать какую-нибудь птаху. Ну, а бельё за это время по речке уплывёт. Попробуй догони его!

Почти каждый день приходилось отцу бранить Фому и Ерёму. Не раз мать втихомолку от

всех слёзы лила. Да что толку! Не слушали дети родительских наставлений. А соседи посмеивались, пальцем на них показывали.

Не вытерпел отец. Велел он матери собрать сыновьям по котомке с хлебом и проводил их обоих в путь-дорогу.

— Не сумели мы с матерью научить вас уму-разуму, пусть чужая сторона вас научит, — сказал он. — И не возвращайтесь домой, пока не поймёте, почему люди над вами смеются, за что ваши добрые имена забыли.

Не посмели братья ослушаться и отправились из дома куда глаза глядят.

Идут они неделю, идут вторую. Ни о чём не думают, ни о чём не горюют.

А что горевать? Хлеба полная котомка: ешь сколько хочешь!

Но вот однажды просыпаются они ранним утром, хвать за котомки, а там ни кусочка.

Испугались братья, смотрят друг на друга, не знают, как им быть, что теперь делать.

Вдруг где-то близко колокол зазвонил. Передел и Недодел не успели ещё сообразить, что к чему, а уж ноги принесли их в село к поповскому дому, что стоял рядом с церковью.

Смотрят братья, у окна поп с попадьёй сидят, чай с кренделями пьют.

Заметил поп Недодела и Передела и спрашивает:

— Эй вы, нищета! Пришли в батраки наниматься?

— В батраки, — поспешили ответили братья.

— Батраки мне нужны. Но я человек бедный, — завёл поп жалобным голосом.

— Денег нам не надо, — сказали братья. — Кормить, поить будете — и на том спасибо.

Переглянулись поп и попадья. Вот счастье! На даровых батраков напали.

— Тогда с богом! — сказал поп. — Вот вам по краюхе хлеба. Он, правда, чёрствый. Но не беда! Зубы у вас молодые, крепкие. Ешьте на здоровье. Потом, с божьей помощью, займётесь хозяйством: просушите на солнце пуховики, подушки, ковры и шубы, выколотите из них пыль. Вымоете окна, двери, полы. Вычистите песком котлы, чугуны и тазы. А мы с попадьёй в церковь пойдём. Будем за вас молиться.

— Хорошо! — согласился Передел.

— Всё сделаем в лучшем виде, — успокоил хозяев Недодел.

Служит поп обедню, а сам нет-нет да в окошко и взглянет. Трудятся братья на совесть. Вынесли пять сундуков с коврами, десять с шубами. Развесили всё это на солнышке. Пуховики и подушки на сундуках разложили.

Крестится поп, а сам думает: «Вот дураковто мне бог послал!»

Стал Недодел окна мыть. Смотрит: рамы-то совсем развалились, труха из них так и сыплется! Не долго думая, принялся мастерить новые. Про ранее начатое дело, как всегда, и думать забыл.

Передел же на кухне старается, медную посуду песком трёт. Песку не жалеет, сил тоже. Ни

одного тёмного пятнышка на посуде не осталось. Правда, стенки и дно её стали такими тонкими и прозрачными — небо видно. Зато котлы, чугуны и тазы засверкали, как новые!

Оба брата не заметили, как скрылось за тучами солнце, как полил проливной дождь.

Зато поп это сразу заметил. Забыл он про молитвы да как закричит на всю церковь:

— Карапул! Добро пропадает! Карапул!

Люди перепугались, бегом из церкви. Поп с попадьёй за ними.

Прибегают поп и попадья к себе во двор. Видят: по коврам и шубам ручьи текут, на пуховиках и подушках озёра стоят. Кинулись они в дом, чтобы Недодела и Передела проучить, да не тут-то было!

Смотрит поп и глазам не верит. В окнах — ни одной рамы. Все разломаны, на полу валяются. А попадья на кухне бушует. Схватила начищенный таз и хотела запустить им в Передела, а таз-то стал таким лёгким, будто бы не из меди. Заглянула попадья в таз, а у него дно — словно решето...

Тут уж в два голоса взвыли поп с попадьёй и принялись кидать в братьев всё, что им попадало под руку.

Пришлось Недоделу и Переделу в окно выпрыгнуть и бежать со всех ног. А как же иначе?

Не наступил ёщё вечер, а братья, не переводя духу, уже не одну версту отмахали.

Идут они по дороге — живот подводит, есть хочется.

Смотрят, вдали дымок показался. Не иначе, деревня близко. Обрадовались.

Пришли в деревню.

Прямо перед ними дом каменный, под железной крышей. У ворот богатей хозяин — толстый, пузатый. Велит лошадей закладывать, хочет на поле ехать.

Увидел он Передела и Недодела, спрашивает:

— Эй вы, нищета! Батрачить пришли? Знайте: дорого не плачу.

— Нам денег не надо, — ответили братья. — Кормить, поить будете — и на том спасибо.

Обрадовался богатей. Шутка ли! Нашёл даровых работников! Велел накормить их досыта.

Потом сунул в руки Недоделу ведро с краской и показал на крышу:

— Выкрась до моего возвращения! Да смотри — каждую каплю береги, чтоб на всю крышу хватило. А тебе, — наказывает Переделу богач, — вот пила да топор. Брёвна распишишь, расколешь, в поленницу сложишь.

— Будьте спокойны, — говорит Недодел.

— Всё сделаем как нельзя лучше, — отвечает Передел.

Сел богатей в телегу и уехал на поле.

А Недодел с Переделом стали хлопотать по хозяйству.

Завизжала пила, зазвенел топор. Это Передел принялся за работу.

Запахло свежей краской, засверкала крыша. Это Недодел взялся за дело.

Не прошло и часа, Передел все брёвна распилил, расколол, в поленницу сложил. Смотрит, а за сараем ещё брёвна лежат. Всё сосна да дуб, дуб да сосна. Не долго думая, Передел и за них принялся.

А Недодел весело, с песнями уже половину крыши зелёной краской выкрасил. Но тут, как на грех, ветер поднялся. Деревья качаются туда-сюда, туда-сюда, никак не поймёшь, с какой стороны ветер дует.

Тогда решил Недодел флюгер сделать. Смастерил его, приделал к трубе и любуется. Флюгер по ветру повёртывается, скрипит, словно песни поёт. Где тут Недоделу о ведре с краской вспомнить?

Налетел ветер, опрокинул ведро. Вылилась из него краска и потекла с крыши на землю.

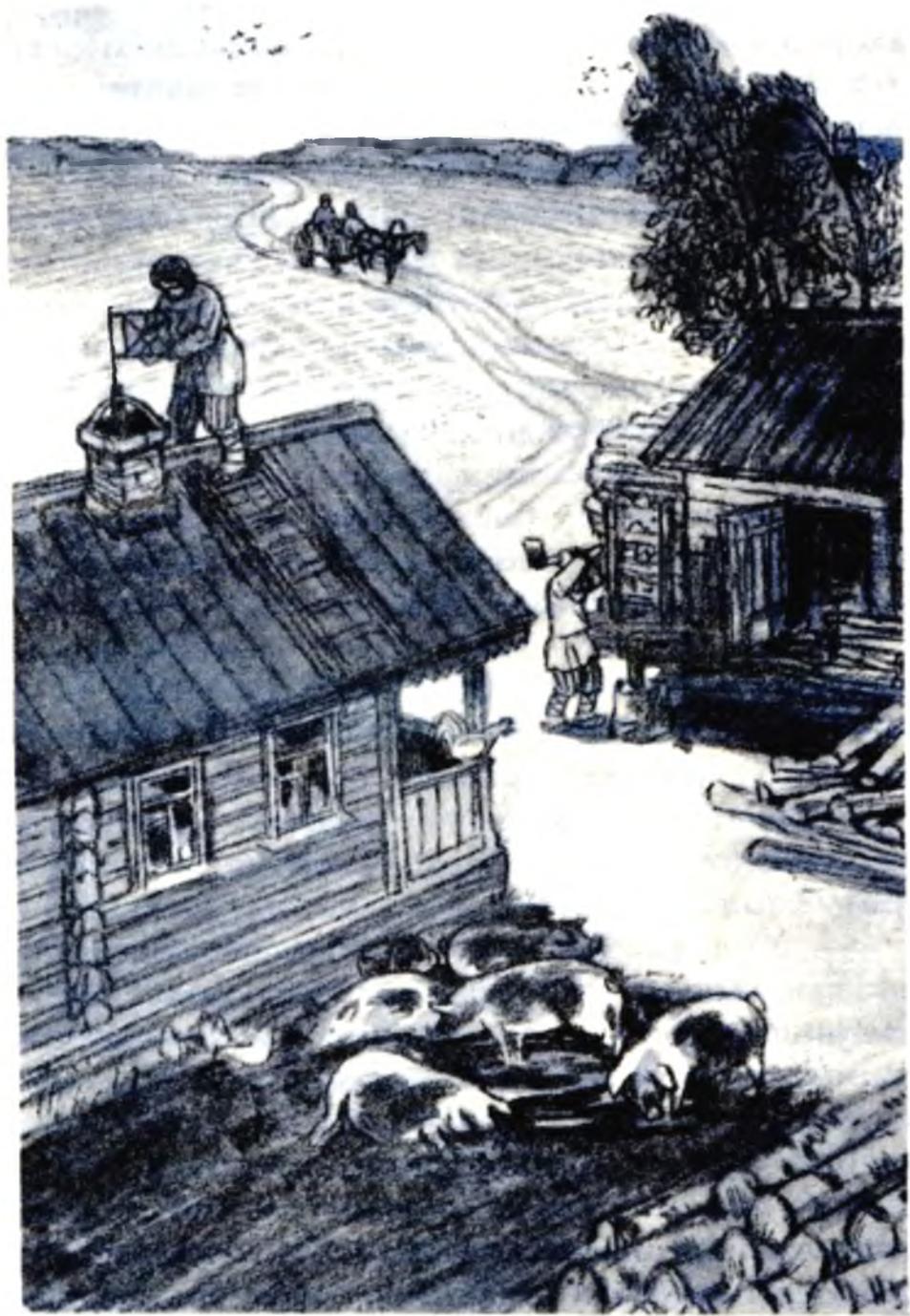
Прибежали свиньи. Что это за лужа такая? Стали в ней валяться, баражаться. Вошли белыми, а вышли зелёными да пегими — друг друга узнать не могут. Визг подняли на всю деревню.

Едет богатей с поля. Издали видит покрашенную крышу и флюгер на трубе. «Хорошо! — бормочет богач. — Много дел я заставлю этих работников переделать. И всё за горшок щей и горшок каши».

Вдруг навстречу ему с визгом бегут зелёные и пегие свиньи.

Ухмыльнулся богач:

— Кто это своих свиней выкрасил? Вот дурень-то! Краски ему не жалко!..

Подъехал он к воротам своего дома и ахнул. Вторая половина крыши как была, так и осталась некрашеной. Краска по земле растеклась. А на крыше Недодел стоит, флюгером забавляется.

Хотел богатей на крышу взобраться, чтоб Недодела проучить, да раньше взглянул, что там второй брат делает. А как взглянул — чуть не упал! Его отборный лес, что был для новой конюшни приготовлен, весь, до последнего бревна, Передел распил, расколол и не спеша укладывает в поленницу.

Тут от злости у богатея руки-ноги отнялись. Но зато язык за троих молол: проклятья так и сыпались на головы братьев!

Видят они, что опять плохо дело, — скорей со двора вон.

Бредут по дороге, вздыхают. Спрашивает младший брат у старшего:

— Как же нам уму-разуму научиться, узнать, почему нас Недоделом и Переделом зовут?

— Ума не приложу, — отвечает Недодел.

Так и шли они, пока не наступила непроглядная тьма. Тут нечаянно наткнулись на копну свежего сена. Обрадовались. Зарылись в него, согрелись и крепко уснули.

Проснулись братья, открыли глаза — белый день на дворе. А копна, на какой они спать улеглись, — около небольшой избушки стоит. На крыльце старушка ведунья кружева плетёт, смотрит на них, улыбается.

— Ну, — говорит, — гости дорогие, выспались? А теперь скажите, как вас зовут, откуда путь держите, зачем ко мне, ведунье, пожаловали?

Братья притворяться да лгать не умели. Сели они около старушки да всё, как было, и рассказали. Под конец спросили её:

— Может, ты, бабушка, скажешь, как умуразуму научиться, узнать, за что нас Недоделом и Переделом зовут?

— Может, и скажу, — ответила старушка ведунья, — но не всё сразу. Садитесь-ка прежде за стол. Я для вас пирогов напекла.

Дважды братьев просить не надо. Сели за стол и принялись за еду. Хозяйка едва успевала пироги подкладывать.

А когда наелись, говорит им:

— Ну, а теперь я дам вам работу. Ты, Недодел, пойдёшь рыбу удить. На обед у нас уха будет. Ты, Передел, будешь на ручной мельнице пшеницу молоть. Для блинов. На ужин. Не тяжела ли для вас работа? Сможете её выполнить?

— Будь спокойна, бабушка, — говорит Недодел.

— Всё сделаем как нельзя лучше, — добавляет Передел.

Принялся младший брат пшеницу молоть. Взял мельницу, насыпал в неё пшеницы, а мельница молоть отказывается. Зерно проскаивает и целым-невредимым падает на землю.

Рассердился Передел.

— Ты что же это, мельница, разленилась, работать не хочешь? — напустился он на неё.

Мельница заскрипела:

— А ты меру знаешь? Сколько смолоть-то нужно — амбар или одно лукошко?

— И то правда! — согласился Передел и отправился к старушке. Тут же обратно вернулся:

— Хозяйка говорит: одного лукошка довольно.

— То-то же! — проскрипела мельница и закрутилась так быстро, что мигом намолола муки целое лукошко с верхом.

— Молодец! — похвалила его старушка. — А теперь накоси корове травы.

Пошёл Передел на луг. Только коса не косит, даже траву не мнёт.

Передел стал её ругать:

— Ты что это, коса, ленишься, работать не хочешь?

Коса в ответ зазвенела:

— А сколько накосить-то нужно? Стог или одну охапку?

— И то правда, — согласился Передел и пошёл к старушке. А когда вернулся, сказал косе:

— Хозяйка говорит: одной охапки довольно.

— То-то же! — прозвенела коса и так быстро заходила туда-сюда, что мигом накосила охапку травы.

Старушка ведунья снова похвалила Передела да и говорит:

— Ещё работа тебя ждёт. Вычисти-ка лож-

ки и плошки. А то они от копоти совсем почернели.

Взялся Передел за плошки и ложки. Начал их песком тереть что есть силы. Вдруг они как заохают! Да все прыг со стола и за хозяйкину юбку склонились.

— Чего это они? — спрашивает Передел.

— Сейчас узнаешь, — отвечает старушка.

Она взглянула на мочалку, которой Передел посуду чистил. Мочалка вырвалась у него из рук, прыгнула ему на шею и ну ходить по ней, ну тереть так, что только кожа трещит.

— Ай, ай, больно! — завопил Передел.

— И посуде больно, когда её царапают. Надо во всём меру знать. Понял? — спросила старушка.

— Понял, как не понять! — виновато ответил Передел.

Взял он мочалку и снова принял за посуду. Чистил её легонько, осторожненько. Поэтому ложки и плошки сами с одной стороны на другую перевёртывались, то один, то другой бок ему подставляли.

— Теперь, — сказала старушка, — бери ложки и плошки, пойдём к твоему брату, он нас ухой угостит...

А Недодел пришёл на озеро и сразу закинул удочки. Глядь, на одну удочку окунь попался, а на другую — большущая щука. «Ну, — думает, — тут наловить рыбы — пустяковое дело. Это я двадцать раз успею сделать. А сейчас смастерю-ка дудочку. Вот славно будет!»

И принялся Недодел камыш ломать. Только сломанные камышинки из рук вырываются — и в озеро!

Бился-бился Недодел. Все руки камышом порезал, всю одежду вымочил. Наконец ухватил одну-единственную камышинку, обрадовался. Стал из неё дудочку мастерить. И не видит, что улов его в озере очутился, а удочки уплыли к другому берегу...

Пришли Передел и бабушка ведунья к озеру. Сели рядом с Недоделом. А ему не до них — над дудочкой трудится. То ножом её подправит, то дует в неё.

Молчит дудочка.

Взглянула бабушка ведунья на удочки. Те сразу же поплыли обратно, выскочили на берег и ну Недодела по спине да по рукам хлестать!

Тут и дудочка заиграла, заприговаривала:

Послушай, Фома,
Набирайся ума!
Сперва сделай, что нужно,
Потом — что хочешь.

Стыдно стало Недоделу перед старушкой ведуньей и братом. Схватил он удочки и стал таскать из озера рыбку за рыбкой.

Вскоре и уха была готова.

Стал он своих гостей свежей ухой потчевать. Угощает, а сам прощенья просит.

— Не сердитесь, — говорит, — на меня. Другим делом занялся. Только этого больше не будет. Я теперь знаю, как работать надо.

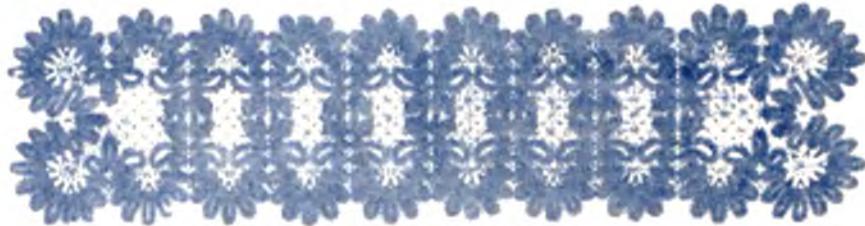
Спрашивает братьев старушка ведунья:

— Ну что же, поняли, почему вас Недоделом да Переделом зовут?

— Поняли, — отвечают братья, — ох, поняли! А тебе, бабушка, за науку спасибо. Век тебя не забудем!

Вернулись братья домой. Стали отцу с матерью помогать, да так, что родители не могли нарадоваться, а соседи не могли надивиться. И стали снова звать их Фомой да Ерёмой. А про старые клички никто никогда и не вспоминал.

Когда кончилась последняя сказка, заморский король поднялся со скамьи и сказал девицам:

— Все семь вы мне одинаково полюбились. Кто из вас хочет стать моей женой — королевой?

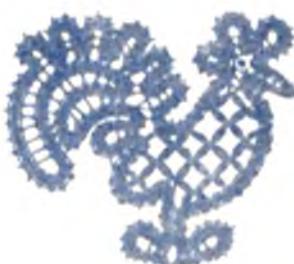
Девушки поклонились ему в пояс, но ехать с королём отказались.

— У каждой из нас в своём селе жених есть, — говорят.

— Ай да умницы! — вскричал царь Пётр. — Вот вам кошелёк с золотом на приданое. Будьте счастливы! А за сказки — спасибо!

На том гости рас прощались и уехали.

С тех пор кружевные сказки и гуляют по свету, от старого к малому. Ведь сказка, как песня, каждому сердцу — родня.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬ КАТЕРИН	3
ВОЛШЕБНОЕ КРУЖЕВО	9
КЛЯТВУ ДРУЖБЫ ЗАБЫТЬ — ГОЛОВЫ НЕ СНОСИТЬ	22
ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ	31
ПОЧЕМУ ВОЛКИ ВОЮТ НА ЛУНУ	46
ЗОЛОТЫЕ ГУСЛИ	59
ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ	73
НЕДОДЕЛ И ПЕРЕДЕЛ	80

Для младшего школьного возраста

Тринова Елена Степановна

КРУЖЕВНЫЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор Н. Е. Прийма.

Художественный редактор А. В. Карпов.

Технический редактор Т. С. Харитонова.

Корректоры Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкиарёва.

ИБ 7407

Сдано в набор 08.12.82 Подписано к печати 26.05.83. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8. Усл. кр.-отт. 16,58. Уч.-изд. л. 3,6. Тираж 150 000 экз. Заказ № 433. Цена 30 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград. 191187. наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Ростгравиолиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7

